

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Гуманитарный институт
Научно-образовательный и культурный центр
«Институт Конфуция»

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**III Международный научный форум
«НАСЛЕДИЕ»**

**ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ**

**Сборник тезисов
Международной научно-практической конференции
1–2 ноября 2021 г.**

Новосибирск
2021

УДК 94(315)+811.581(082)
ББК ТЗ(54)-7я431
И 90

Рецензенты
д-р ист. наук С. П. Нестеров
канд. ист. наук Е. А. Гирченко

И90 Историческое наследие и кросскультурные связи на Великом Шелковом пути : Сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 нояб. 2021 г.) III Междунар. науч. форума «Наследие» / Новосиб. гос. ун-т ; Ин-т археол. и этногр. СО РАН ; под ред. С. А. Комиссарова, Ю. А. Азаренко. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. – 100 с.

ISBN 978-5-4437-1266-6

Сборник включает тезисы свыше 60 докладов по четырем направлениям работы ежегодной научно-практической конференции «Института Конфуция НГУ», в которой приняли участие ученые и преподаватели России, Китая, Кореи и других стран. Язык публикаций – русский, китайский, английский.

Издан при финансовой поддержке Синьцзянского университета в рамках проекта «Институт Конфуция НГУ».

УДК 94(315)+811.581(082)
ББК ТЗ(54)-7я431

*Сборник рекомендован к печати
ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета*

© Новосибирский государственный
университет, 2021
© Институт археологии и этнографии
СО РАН, 2021

ISBN 978-5-4437-1266-6

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	7
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	9
<i>Войтишек Е. Э.</i> Научная и публикационная деятельность кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ: новые горизонты	9
<i>Waugh D. C.</i> Dmitrii Bukinich and Archaeology in Mongolia	10
<i>Во Д. К.</i> Дмитрий Букинич и археология в Монголии	11
<i>Петровский В. Е.</i> О стратегии стрессоустойчивости российско-китайских отношений	12
СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ПАЛЕОЭТНОЛО- ГИЧЕСКИЙ ПОЯС ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ	15
邓聪. 谢苗诺夫(Semenov S. A.)复原的史前玉环生产技术内容 ..	15
<i>Алкин С. В.</i> Новая «старая» государственная политика КНР в области археологического наследия	15
<i>Ли Еюй.</i> Чемурчекская культура и ее влияние в Китае	17
<i>李叶雨.</i> 切木尔切克文化研究——兼论其在中国的影响	18
<i>Селин Д. В.</i> Взаимодействие культур эпохи поздней бронзы Северной и Центральной Азии с общностями Северо-Западного Китая	18
<i>刘翔.</i> 欧亚草原竖釜器铸造技术研究	19
<i>Шульга П. И.</i> О появлении колесничного комплекса в эпоху Шан	20
<i>Варенов А. В.</i> Монографические публикации и исследования петроглифов Северо-Западного Китая в XX веке	22
<i>Черемисин Д. В., Комиссаров С. А., Соловьев А. И.</i> Петроглифы Мустанга	23
<i>Мартынов П. В.</i> Об изучении петроглифов Тибетского нагорья китайскими археологами в сезоне 2021 года	25
<i>达吾力江·叶尔哈力克.</i> 战国至汉代丝绸北向传播路线初论	26
<i>Соловьева Е. А.</i> Привозные стеклянные предметы на памятниках эпохи яёй	27
<i>Кудинова М. А.</i> Находки золотых бляшек с бирюзой из погребений эпохи Западная Хань как свидетельство о торговле по Морскому Шелковому пути	28

<i>Шульга Д. П.</i> Восьмой век нашей эры как хронологический рубеж ромейских нумизматических материалов	29
<i>Кубарев Г. В.</i> Расцвет культуры карлуков Алтая в VIII веке и их торговые и дипломатические контакты с танским Китаем	30
<i>李铨宇 (Lee Hyunwoo)</i> 。铁马镫新考	33
<i>Орлова А. А.</i> Находки китайской керамики и фарфора на побережье Кении	34

СЕКЦИЯ «КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ КИТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»

36

<i>Соколов Д. В.</i> Контакты сюнну и империи Хань в Западном крае: взгляд японского историка Сиратори Куракити	36
<i>Шульга Д. П.</i> О китайских моделях международного взаимодействия (на примере Византии)	37
<i>Соболев А. Е., Соболева А. С.</i> Контакты населения Японских островов с Китаем в VII–X веках нашей эры	38
<i>Шульга Д. П.</i> О происхождении «всадников» из погребения императорской наложницы У	39
<i>阿依吐松·苏旦、潘志平</i> 。丝绸之路叶尔羌——拉达克段历史地理研究	40
<i>Лысенко Ю. А.</i> Роль Ч. Ч. Валиханов в изучении Внутренней Азии	42
<i>Дацышен В. Г.</i> Дипломат и ученый Чжан Вэй (張瑋): Из истории русско-китайского взаимодействия в сфере изучения истории и культуры в зоне Великого Шелкового пути	43
<i>Hasnulina K.</i> The Spatial-Temporal Dimensions of Changchun History (1900–1960)	44
<i>Станьева В. В., Комиссаров С. А.</i> Монгорский вариант эпоса «Гэсэр»	46
<i>Родионов А. А.</i> Об изменениях в переводе новейшей китайской прозы на русский язык	47
<i>Полякова Д. Д.</i> Продвижение литературы за рубеж в рамках проекта «Книжный аромат Шелкового пути»	48
<i>何芳</i> 。论中俄人文交流对两国关系的影响	49

**СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ И
ГЕОПОЛИТИКИ В ЗОНЕ РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВЫ
“ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ”» 52**

<i>И. В. Анисимова. Особенности развития центральноазиатского вектора торговли в русско-китайских отношениях в конце XIX – начале XX века</i>	<i>52</i>
<i>Савкович Е. В. Развитие транспортных коридоров при участии КНР в Юго-Восточной Азии в постковидный период</i>	<i>53</i>
<i>Глазунов Д. А. Синьцзянский производственно-строительный корпус как современная форма тунькэнь</i>	<i>55</i>
<i>袁夕. 一带一路"倡议发展区域的地缘政治问题及中国的应对政策 ..</i>	<i>56</i>
<i>Пластун В. Н. Позиция Китая и государств Центральной Азии в отношении ситуации в Афганистане</i>	<i>59</i>
<i>Демидов В. В. Катарские амбиции на Новом Шелковом пути: от газа до футбола</i>	<i>60</i>
<i>Цай Ин. Роль Амурского речного транспорта в российско-китайском взаимодействии на Дальнем Востоке в 1980-е годы</i>	<i>61</i>
<i>Янь Мэйвэй. Гуманитарные контакты между приграничными территориями России и Китая после образования КНР</i>	<i>62</i>
<i>Залесская О. В. Механизмы валютных переводов китайских мигрантов в дальневосточном приграничье в исторической ретроспективе</i>	<i>63</i>
<i>Гамерман Е. В. Китайская альтернатива глобализации в контексте современных трендов мировой политики</i>	<i>64</i>
<i>徐俊、李金叶. 中国与“一带一路”沿线国家贸易合作的第三国效应研究：基于资源禀赋和技术创新的双重视角</i>	<i>66</i>
<i>Цун Фэнлин, Чжан Лу. Право в странах «Одного пояса и Одного пути»: правосудие в отношении в КНР и РФ</i>	<i>68</i>

**СЕКЦИЯ «ИЗУЧЕНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАН-
НЫХ В КИТАЕ, РОССИИ, СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ» 69**

<i>Платонов В. Н. Опыт преподавания китайского языка в парадигме современного развития Великого Шелкового пути на примере работы центра изучения китайского языка и культуры школы № 112 города Новосибирска</i>	<i>69</i>
<i>黄冬梅. 多模态视域下国际中文教育视频资源库建构设想与实践</i>	<i>70</i>

何旭红. 翻译技术与俄语翻译硕士培养	71
Селезнева Н. В. Устный последовательный перевод в обучении студентов-регионоведов	73
赵奕. 连听说结合的俄语基础听力教学探索	74
Чжао И. Обучение аудированию на занятиях русского языка в китайской аудитории (от аудирования – к говорению)	76
Репнякова Н. Н. Комплиментарный подход при обучении китайскому языку в неязыковом вузе	78
Цао Юйвэй. Анализ особенностей перевода с китайского на русский политических текстов на примере Белой книги «Продовольственная безопасность Китая»	78
Дубкова О. В. Объекты Всемирного наследия в Китае: проблемы эквивалентности перевода и интерпретации русского языка	79
Курачченко М. А. Требования к вузовским учебникам иностранного языка в КНР	80
Завьялова Т. Г., Азаренко Ю. А. К вопросу о критериях оценивания учебников китайского языка	81
Ван Лицзун. Сопоставительный метод в преподавании иностраных языков	83
Иноземцева Н. В., Йовкова Н. Н. Основные трудности при обучении китайскому языку как иностранному	84
Ян Цзин. Проблемы изучения лексики русского языка в китайской аудитории	85
杨静. 浅谈中国学生俄语词汇学习中的问题	86
Елецкая А. С. Использование целевого языка на уроке как способ рационального распоряжения временем учебного занятия	88
Пэй Цайся. Особенности рассказов Ван Мэна о Синьцзяне и их перевода	89
Сунь Япин. Сравнительный анализ китайских и русских комплиментов в коммуникативно-прагматическом аспекте	90
夏东旭. Что引导的主从复合句及其翻译技巧研究	92
Ся Дунсюй. Сложноподчиненные предложения русского языка со словом «что» и приемы их перевода	93
王艺静. 基于俄语语料库的动词“идти”同根词多义性分析	94
张晓静. 汉语教学中轻声词语的考察及教学策略研究—— 以《国际中文教育中文水平等级标准》所列轻声词为例	95

ОТ РЕДАКТОРОВ

В предисловии к сборнику трудов предыдущей конференции мы выражали робкую надежду, что уж в следующем, 2021 году наш «саммит» пройдет без коронавирусных излишеств. Но вторая волна перешла в третью, и штиля на этом море пандемии в ближайшее время не предвидится. Поэтому и эта конференция прошла в смешанном формате, который, с одной стороны, снижает интенсивность общения участников, но, с другой стороны, позволяет существенно увеличить их представительство. Всего была зарегистрирована 71 заявка на участие, из них реально смогли выступить 59 человек, представлявших 35 образовательных и научно-исследовательских учреждений 20 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Оренбург, Ульяновск, Екатеринбург, Томск, Барнаул, Красноярск, Благовещенск, Биробиджан, Хабаровск). К ним следует добавить представителей большинства новосибирских государственных вузов (НГУ, НГТУ, НГПУ, СГУПС, СИУ – филиал РАНХиГС).

В этом году наша конференция заслуженно стала международной. Кроме, как всегда, очень солидного присутствия (в основном онлайн) китайских коллег, в работе участвовали также ученые из Республики Кореи, Казахстана, Германии. И большая честь для нас, что с докладом на пленарном заседании выступил почетный профессор Университета штата Вашингтон (г. Сиэтл, США) Дэниел Во, который многие годы руководил проектом «Великий Шелковый путь» в своем вузе и редактировал профильный журнал.

Это направление хорошо коррелирует с тематикой нашей конференции. Избранная семь лет назад интегрирующая концепция Великого Шелкового пути, взятого как в синхронном, так и диахронном аспектах, позволяет рассмотреть в рамках секционных заседаний самые различные проблемы археологии, истории, культуры и филологии Китая и связанных с ним стран.

Не все участники, приславшие заявки, сопровождали их тезисами. В то же время некоторые коллеги прислали два варианта своих докладов / тезисов, используя два из трех рабочих языков конференции: русский, китайский и английский. Мы поместили эти варианты

рядом друг с другом, но все же как отдельные публикации, поскольку они пусть немного, но отличаются и могут охватить разные аудитории. Приглашаем всех выступивших присоединиться к участию в сборнике статей по итогам конференции. Текст следует прислать до конца января 2022 г.

Причем если при написании тезисов мы не требовали строгого соблюдения правил оформления, то для сборника такое требование – обязательное, поскольку предполагается индексировать его в базе данных РИНЦ. При оформлении необходимо руководствоваться правилами подготовки статей для публикации в «Вестнике НГУ» (востоковедные выпуски); с которыми можно ознакомиться по адресу: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/Oriental-requirements>.

Ждем ваших статей!

С. А. Комиссаров,
профессор НОКЦ «Институт Конфуция» ГИ НГУ
Ю. А. Азаренко,
директор НОКЦ «Институт Конфуция» ГИ НГУ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е. В. Войтишек

Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

НАУЧНАЯ И ПУБЛИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ГИ НГУ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

В докладе представлены результаты научно-образовательной, международной и организационной деятельности сотрудников кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ, отметившей в 2019 г. свое 20-летие. Среди приоритетных сфер научной деятельности кафедры востоковедения можно назвать следующие: типологические особенности китайского, японского, корейского языков (на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровне); развитие языков Северо-Восточной Азии в условиях модернизации и глобализации; археология и этнография Китая, Японии и Кореи в контексте центрально-азиатских культурных взаимодействий; специфика современной политической ситуации в государствах Среднего Востока и Средней Азии; культурно-исторические традиции Китая, Японии и Китая; религиозно-философская и правовая системы стран Востока.

Научно-методическая работа кафедры представлена разработкой и изданием программ, пособий, учебно-методических комплексов, а также востоковедческих сборников статей по итогам конференций. Сюда входят не только материалы конференций «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», но и сборники, выходящие с 2000 г. по итогам студенческих конференций, представляющих интересный срез актуальных проблем современного востоковедения в восприятии самых молодых представителей этой науки.

Немаловажным для обмена важной информацией внутри научного сообщества России, Европы и Азии представляется издание ежегодного выпуска научного журнала «Вестник НГУ» (с 1999 г.), который к настоящему времени занимает высокие устойчивые позиции среди отечественных изданий, специализирующихся по Востоку,

и входит в международную базу данных Scopus, а также в русскоязычный сегмент базы данных Web of Science. Отмечены основные публикации последних лет в виде монографий, учебников и учебных пособий, а также намечены ближайшие перспективы развития международного сотрудничества кафедры с ведущими российскими и зарубежными востоковедческими центрами.

Дальнейшие перспективы сибирского востоковедения связаны с освоением не только традиционных для ориенталистики классических тем по изучению Восточной Азии, но и проблематики, касающейся современных аспектов геополитического и экономического развития стран АТР, Центральной Азии и Ближнего Востока.

D. C. Waugh

University of Washington, Seattle, USA

DMITRII BUKINICH AND ARCHAEOLOGY IN MONGOLIA

While the contributions of Russian scholars to the archaeological study of Mongolia are well known and very important, the investigations by Dmitrii Dem'ianovich Bukinich there in the early 1930s have received relatively little attention but for the recent publications by Dr. Eva Becker. Bukinich's reports about his archaeological survey work, preserved in the archive of the Mongolian Academy of Sciences in Ulaanbaatar, have never been fully published or analyzed in the context of the conditions under which he worked and with reference to his knowledge of good archaeological practice. Sergei Kiselev, who led the important Soviet-Mongolian expedition in the 1940s, dismissed Bukinich's work as unscholarly. The contributions by Becker were limited by her not having full access to the archival materials and her interest primarily in Bukinich's work at the historic first capital of the Mongol Empire, Karakorum.

The current paper provides a fuller sense of the unpublished record, and demonstrates that the files contain the actual diary of Bukinich's survey of the remains of Karakorum. The diary and several of his unpublished reports explain the limitations of what he was able to accomplish. While there is still much to be done to contextualize Bukinich's career, the paper argues that he was well aware of the then current Russian standards for

scientific archaeology, but, as he himself admitted, was unable to accomplish serious excavation in the circumstances where it was impossible to hire well-trained assistants. There is little in this material which might change our current understanding of the early history of Karakorum, since archaeological method and the substantial more recent excavations there have eclipsed what was possible in the early 1930s. However, Bukinich's career offers interesting insights into the early history of archaeology in Mongolia and more broadly the history of Russian archaeology in a period of political and ideological challenge.

This presentation, illustrated with examples from the archival files, summarizes an article by the author which is to appear in a collection honoring a colleague.

Д. К. Во

Ун-т штата Вашингтон, г. Сиэтл

ДМИТРИЙ БУКИНИЧ И АРХЕОЛОГИЯ В МОНГОЛИИ

Археологические раскопки, проведенные русскими экспедициями в Монголии, занимают почетное место в изучении древней и средневековой истории этой страны. Однако, археологические изыскания, проведенные Дмитрием Демьяновичем Букиничем в 1930-х гг., менее известны (за исключением публикации Евы Беккер). Сергей Владимирович Киселев, руководитель советско-монгольской экспедиции 1940-х гг., мимоходом характеризовал работу Букинича как ненаучную. Изучение и публикация материалов Букинича в работе Е. Беккер ограничены тем, что она не использовала часть документов, хранящихся в архиве Монгольской академии наук и тем, что в центре ее внимания была работа Букинича в Каракоруме.

Представленный нами доклад дает обзор архивного материала, включая и неопубликованный дневник разведки и раскопок Букинича в Каракоруме. Дневник и другие неопубликованные документы объясняют недостатки его работы и доказывают, что он знал современную ему археологическую методологию. Он сам признал низкий уровень результатов работы своей экспедиции, из-за невозможности нанять надежных ассистентов. В свете накопления ценного материала и развития археологической методологии после 1930-х гг., мате-

риалы Букинича по ранней истории Монгольской империи не содержат ничего нового. Однако личная и профессиональная биография самого Д. Д. Букинича является интересной главой в истории археологической науки в МНР и СССР в трудных условиях 1930-х годов.

В. Е. Петровский

Академия военных наук,

Ин-т Дальнего Востока РАН, г. Москва

О СТРАТЕГИИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 2020–2021 гг. пандемия коронавируса продолжает оставаться существенным фактором неопределенности как в российско-китайских связях, так и в мире в целом. Хотя в контексте распространения COVID-19 РФ и КНР продемонстрировали высокий уровень взаимного доверия, эпидемия создает риски и для двустороннего партнерства. Полностью остановлены гуманитарные форматы взаимодействия и общественные обмены, тормозится реализация совместных инициатив, в условиях глобальной рецессии ожидается спад товарооборота и инвестиций.

В новых условиях обостряются и традиционные проблемы в российско-китайских отношениях, над решением которых две страны работают годами: недостаток взаимного понимания и доверия между двумя народами, неразвитость инфраструктуры взаимодействия на всех уровнях и иные факторы.

Опыт пандемии диктует необходимость оценки рисков в российско-китайских отношениях и разработки стратегии их стрессоустойчивости. Автор предпринял попытку показать этой генезис стратегии, ее теоретические и международно-политические аспекты, опыт использования в различных странах, включая Россию и Китай, а также в рамках международных организаций и диалогово-консультативных форматов с участием наших двух стран.

Категория «стрессоустойчивость», ранее использовавшаяся прежде всего экологами, вошла в словарь политических терминов с 1990-х гг. и изначально отражала попытки формулирования нового

подхода к кризисному урегулированию через активизацию внутренних ресурсов в условиях финансовых коллапсов и социально-политических конфликтов.

Стрессоустойчивость – организационный принцип современной политической жизни. Никакие катастрофы уже не могут обозначаться как «Божье провидение»; их возникновение, масштаб и последствия лишь демонстрируют качество управления обществом. Таким образом, концепция стрессоустойчивости востребована в рамках политических наук именно как принцип управления. Идеологической основой исследований выступает неолиберализм.

В последние годы концепция стрессоустойчивости все более активно используется ключевыми организациями глобального управления. Особенно интересен опыт Европейского Союза (ЕС), в рамках которого эта категория не только приобрела концептуальное измерение и стала центральной для внешней деятельности ЕС, но и получила нормативное наполнение.

Отнюдь не следует считать, что концепция стрессоустойчивости является лишь «западным изобретением». Она используется и другими странами, в частности, давно присутствует в стратегии и политике АСЕАН.

Особенно важным является опыт использования концепции стрессоустойчивости в Китае. В китайском дискурсе она осмысливается как источник экономического роста Китая. Обращение к категории «стрессоустойчивость» подчеркивает правильность экономической модели КНР и ее текущего пути экономического развития.

Также Китай, будучи крупнейшей страной-экспортером в мире, заинтересован в нормальном функционировании глобальной системы свободной торговли и обращает внимание на свой вклад в обеспечение стрессоустойчивого роста мировой экономики через противодействие протекционизму. В этом контексте стрессоустойчивость обосновывается в категориях безопасности и угроз.

Данная концепция все более активно используется в работе международных организаций и диалогово-консультативных форматов с участием России и Китая, таких как ШОС и БРИКС. Анализ главных документов, принятых по итогам саммитов ШОС и БРИКС, говорит о том, что ключевой темой для обсуждения на полях саммита стали меры противодействия пандемии коронавируса не только в санитарно-эпидемиологическом смысле, но и в более широком экономическом плане.

Элементы стрессоустойчивости и стратегического планирования все более активно проявляются и в процессе сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояса и Пути».

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЯС ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

邓 聪

山东大学文化遗产研究院，青岛

谢苗诺夫 (Semenov S.A.)复原的史前玉环生产技术内容

- 1) 贝加尔湖青铜时代玉环生产技术;
- 2) 同样玉环在中国的发现;
- 3) 谢苗诺夫玉技术的比较分析;
- 4) 欧亚大陆北部史前玉环之传播。

С. В. Алкин

Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

НОВАЯ «СТАРАЯ» ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Китай является классическим примером страны с богатейшим археологическим наследием. На протяжении всей истории китайской археологии власть занималась регулированием отношения к памятникам старины. Со второй половины XX в. археология стала важным фактором внутренней культурной политики, а также инструментом, который активно используется в отношениях с соседями. После непродолжительного перерыва в поступательном развитии археологии КНР во время «культурной революции» именно археология была призвана не только улучшить имидж Китая на мировой арене, но и обосновать территориальные претензии тогдашнего руководства страны к соседям. Такой подход к интерпретации общности этнокультурного развития Азии грешил односторонностью. То, что является предметом научных дискуссий, было выведено на уровень информационных войн за историческое наследие. В начале 1990-х гг.

Китай стал инициатором такой компании в отношении проблем изучения археологических источников по раннесредневековой истории корейского этноса.

После начала «политики реформ и открытости» китайская археология стала органичной частью мировой археологической науки. Прошедшие десятилетия характеризуются территориальным расширением работ и впечатляющим качественным ростом профессионализма китайских археологов, Техническая оснащенность и методическая подготовка, углубление сотрудничества с зарубежными коллегами позволили достичь великолепных результатов. Роль поддержки государства в этом трудно переоценить.

В настоящее время наблюдается активизация внимания китайских властей к развитию археологической науки. Весной 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин совершил инспекционную поездку в пров. Шаньси, где среди прочего изучал систему охраны исторического и культурного наследия в пещерах Юньган. Затем были опубликованы 15 тезисов его выступления по теме охраны культурного наследия, значения археологии в культурном и политическом просвещении масс. Они стали базой для обсуждения в ходе совещания, посвященного развитию археологической науки в Китае, которое было создано ПБ ЦК КПК осенью того же года.

Си Цзиньпин задал тон обсуждению, подчеркнув, что Китай, продвигаясь по пути развития социализма с китайской спецификой, стремится к развитию национальной археологической науки, что должно способствовать лучшему пониманию китайской цивилизации не только в стране, но и за рубежом: «китайская цивилизация – единственная цивилизация в мире, которая существует с древних времен и никогда не прерывалась. Она также демонстрирует миролюбивый характер китайской нации». Отдавая дань популярной идее необходимости противодействия «искажению истории», китайский руководитель указал на важность археологического наследия как инструмента такой борьбы. Археология должна «оказывать решительную поддержку продвижению превосходной традиционной китайской культуры и повышению уверенности в себе... содействовать постоянному укреплению национального единства и национальной гордости».

Перед археологами был поставлен ряд задач, решение которых направлено на создание эффективной системы изучения и охраны объектов культурного наследия, чему должно быть подчинено все

государственное планирование в области археологии, имея в виду и исполнение уже осуществляемых общенациональных проектов. Археологам гарантирована материальная и финансовая поддержка со стороны партийных и государственных органов.

Новый этап развития государственной политики КНР в области археологии, в которой очевиден акцент на идеологические вопросы, уже повлиял на направления международного сотрудничества китайских археологов. Почувствовали это на себе и археологи Сибири и Дальнего Востока России, которые проводят свои исследования в приграничных регионах. Полагаем, что в нашей стране необходима не менее продуманная и обеспеченная ресурсами политика в области изучения и охраны археологического наследия.

Ли Еюй

Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-т

ЧЕМУРЧЕКСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ В КИТАЕ

Горный Алтай вступил в бронзовый век, вероятно, в середине III тыс. до н. э. Будучи одной из самых ранних культур бронзы в регионе, чемурчехская культура привлекала большое внимание с момента своего открытия. С появлением новых археологических данных в последние годы возникла необходимость всесторонне пересмотреть материалы памятников этой культуры и заново осмыслить ее распространение и влияние в Китае.

На основании данных предыдущих исследований в чемурчехской культуре можно выделить три локальных варианта: западно-монгольский, восточно-казахстанский и синьцзян-алтайский. Сравнительные исследования показывают, что погребения в каменных ящиках, каменные антропоморфные изваяния и каменные сосуды, имеющие эллипсоидную или сфероидную форму, являются характерными особенностями чемурчехской культуры. После появления этой культуры на территории округа Алтай (Синьцзян, КНР) она, возможно, оказала глубокое влияние на культуру Сяохэ в бассейне р. Тарим и на памятники периода Луншань на Шаньси-Шэньсийском плато.

李叶雨

切木尔切克文化研究——兼论其在中国的影响

阿尔泰山地区大概在公元前三千纪中叶进入了青铜时代，切木尔切克文化作为该地区最早的青铜文化之一，自发现以来颇受关注。随着近年考古新资料的发布，有必要结合新的考古资料对该文化遗产进行全面的梳理，并重新认识其在中国境内的分布和影响。

本文通过资料梳理并结合前人的研究，暂将切木尔切克文化分为蒙古西部类型、东哈萨克斯坦类型和新疆阿勒泰类型三个地方类型。通过比较研究，本文认为石棺墓、石雕人像和圆底桶形石罐，是切木尔切克文化的特点。切木尔切克文化在新疆阿勒泰地区兴起之后，可能对塔里木盆地小河文化、晋陕高原的龙山时期遗址都产生过深远的影响。

Д. В. Селин

Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ОБЩНОСТЯМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ

На территории Северной и Центральной Азии в эпоху поздней бронзы существовало несколько крупных общностей – культур валиковой керамики, андронидных культур и др. На территории Синьцзяна первая посуда бегазы-дандыбаевской культуры была обнаружена в 1994 г. Эти находки позволили академику В. И. Молодину выдвинуть предложение о миграции носителей этой культуры на указанную территорию. На юге Синьцзяна в начале XXI в. был исследован могильник Люшуй. В керамической коллекции памятника выделяются изделия, схожие по форме и орнаментации с бегазы-дандыбаевской керамикой. Сосуды орнаментированы гребенчатым штампом, узоры покрывают горловину и плечики сосудов. Орнаментальные мотивы представлены геометрическими фигурами

и поясами, заполненными разнонаклонными оттисками штампа. Ближайшие аналоги этим изделиям можно обнаружить на памятниках Кент, Айбас-Дарасы, Бегазы.

На территориях Синьцзяна и Ганьсу обнаружена посуда, ближайшие аналогии которой можно видеть на памятниках саргаринско-алексеевской культуры. Сходство проявляется в наличии на внешней поверхности сосудов наlepных валиков под венчиком, с концами, свисающими в виде «усов». К настоящему моменту находки в Ганьсу являются самыми восточными образцами керамики этого типа.

В погребальных памятниках бегазы-дандыбаевской культуры (мавзолее Дандыбай) выделяются сосуды с высокими поддонами. Подобная форма не характерна для керамики этой культуры и, возможно, является подражанием изделиям, заимствованным с других территорий. Посуда на высоком поддоне была широко распространена в пределах современного Китая в бронзовом веке.

Таким образом, в эпоху поздней бронзы между носителями разных археологических культур Центральной Азии и Северо-Запада Китая существовали двусторонние взаимодействия, в ходе которых происходил обмен керамической посудой, заимствовались некоторые формы керамики и, возможно, происходили миграции отдельных групп населения.

刘翔

西北大学文化遗产学院, 西安

欧亚草原竖釜器铸造技术研究

公元前三千纪末期, 欧亚草原青铜时代考古学文化面貌发生了巨大改变, 一方面, 遗址数量骤增; 另一方面, 铜器种类、数量也发生极大变化。其中, 塞伊马-图尔宾诺文化对于铜器铸造技术的创新, 是这个时期考古学文化面貌发生变化的根本原因。公元前 2200 年之前, 整个欧亚草原都没有竖釜器的存在, 即使出现了铜矛, 也皆为锻造铜矛, 将金属片环绕锻打成釜。塞伊马-图尔宾诺文化人群, 创造性的发明了型芯铸造技术, 铜矛、空首斧、铜锥等依靠型芯铸造技术制作

的竖釜铜器，迅速成为欧亚草原主流器物，在辛塔什塔文化、阿巴舍沃文化、克罗托沃文化遗址中，皆有发现此类竖釜器。更重要的是，分布于我国西部地区的切木尔切克文化、齐家文化、四坝文化，以及中原地区的二里头文化遗址中，都发现了竖釜器。以上这些考古学文化与中国青铜铸造技术的起源密切相关。

欧亚草原竖釜器与中国青铜时代早期竖釜器之间的关系问题，就成为研究中国青铜铸造技术起源的关键点。该研究试图通过研究欧亚草原地区发现的竖釜器及铸范，概括归纳出欧亚草原竖釜器的铸造技术；在此基础上，通过比较欧亚草原与中国西北地区竖釜器铸造技术，讨论中国青铜时代早期青铜铸造技术的来源。

П. И. Шульга

Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

О ПОЯВЛЕНИИ КОЛЕСНИЧНОГО КОМПЛЕКСА В ЭПОХУ ШАН ¹

Колесницы и лошади в Китае появляются внезапно на Центральной равнине рядом с захоронениями эпохи Шан, традиционно датируемых XIII в. до н. э. Большинство исследователей полагают, что колесницы были привнесены в Китай с запада. Однако когда и по каким путям это происходило, не вполне ясно.

Для решения данного вопроса особое значение имеют детали уздечки, используемые в снаряжении как упряжных, так и верховых лошадей. Рассмотрим псалии и удила, которые в последнее время привлекают внимание многих исследователей [Ван Пэн, 2019, Варенов, 2020; Такаһата, 2020; др.]. Конструктивно псалии Шан и последующие дисковидные псалии эпохи Западная Чжоу соответствуют

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археozoологии».

самым ранним щитковым псалиям с шипами из Синташты и Микен. Первоначально в Китае они также использовались с ременными (?) удилами. Но тогда же, как и на «западе», в Китае встречались стержневые ранние удила с малыми колечками на концах [Takahama, 2020]. Дальнейшая эволюция псалиев и удил в первой половине I тыс. до н. э. в Китае также происходила подобно схеме, известной на западе и на востоке степного пояса. Казалось бы, все это хорошо укладывается в рамки общей эволюции конского снаряжения Евразии.

Однако, многие данные противоречат этой точке зрения. Во-первых, китайские и «западные» псалии не соотносятся между собой хронологически. Щитковые шипастые псалии с ременными (?) удилами на «западе» от Греции (Микены) до Северного Казахстана датируются XX–XV вв. до н. э., то есть на 700–300 лет раньше. Во-вторых, совершенно непонятен механизм передачи в Китай этих деталей сбруи и собственно колесниц. Ранние щитковые псалии к востоку от Северного Казахстана полностью отсутствуют, а бронзовые псалии и удила (за исключением Минусинской котловины) достоверно появляются только в IX в. до н. э. Несомненно, что колесничный комплекс Шан непосредственно связан с этапом северных (карасукских) бронз [Gideon, 2014; Rawson et al., 2020; и др.], датируемых XIII–XII вв. до н. э. [Поляков, Лазаретов, 2019]. Однако, никаких значимых свидетельств о существовании в северных степях уздечки с характерными щитковыми псалиями нет. Очевидно, что вопрос о появлении колесничного комплекса в Шан представляет собой проблему, поскольку составляющие этого комплекса могут рассматриваться двояко – как часть конского снаряжения Евразии во II тыс. до н. э., или как особый путь развития в эпоху поздней бронзы.

Литература

Ван Пэн. К вопросу о происхождении колесниц из Иньшуй // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 9–18.

Варенов А. В. Древнекитайские псалии и удила эпохи поздней бронзы // Экология древних и традиционных обществ: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 159–163.

Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. СПб: Петербургское востоковедение. 2019. С. 188–202.

Shelach-Lavi G. Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE // Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors. Honolulu: University of Hawaii Press. 2014. P. 10–31.

Rawson J., Chugunov K., Grebnev Ye., Limin Huan. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China's Relationship with Its Northern Neighbours // Journal of World Prehistory. 2020. Vol. 33, iss. 2. P. 135–168.

Takahama Shu. Two technical traditions of casting horse bits in China and their relationships with the steppe area // Asian Archaeology. 2020. Vol. 3, iss. 1–2. P. 47–57.

А. В. Варенов

Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ В XX ВЕКЕ

До начала 2000-х гг. в Китае изданы монографические исследования и публикации наскального искусства из четырех административно-территориальных единиц провинциального уровня северо-запада страны, расположенных вдоль трассы Великого Шелкового пути и его ответвлений: Внутренней Монголии, Нинся, Синьцзяна и Цинхая.

Петроглифы Внутренней Монголии исследовали и публиковали Гай Шаньлинь, Лян Чжэньхуа и Н. Даленгуриб. Самая ранняя и самая поздняя из доступных нам монографий Гай Шаньлиня (1985 и 2002 гг.) целиком посвящены интерпретациям наскальных изображений и поискам их аналогий. Все четыре книги о петроглифах Нинся – Чжоу Синхуа, Ли Сянши и Чжу Цуньши, два альбома Сюй Чэна и Вэй Чжуна – изданы практически одновременно, в самом начале

1990-х гг. Древние изображения Синьцзяна опубликованы в альбомах Чжао Янфэна, Ван Линьшаня и Ван Бо, в книгах Ван Бинхуа и Су Бэйхая. Вышедшая в 2001 г. книга Тан Хуйшэна и Чжан Вэньхуа посвящена петроглифам Цинхая.

С 1990-х гг. стали появляться обобщающие исследования петроглифов Китая, охватывающие всю территорию страны, включая и ее северо-западные районы. Коллективный альбом фотографий «Петроглифы Китая» представляет собой своеобразный путеводитель по основным памятникам наскального искусства всех провинций КНР. Монография Гай Шаньлиня «Китайское петроглифоведение» затрагивает основные проблемы, связанные с изучением наскальных изображений. В целом, можно констатировать, что современное китайское научное петроглифоведение зародилось в первой половине 80-х гг. XX в., а расцвета, отмеченного выходом целого ряда монографий, достигло во второй половине 1980-х – 1990-е гг.

Д. В. Черемисин², С. А. Комиссаров^{1,2}, А. И. Соловьев²

¹Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

²Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

ПЕТРОГЛИФЫ МУСТАНГА

Мустанг – это историко-географическая область, до 2008 г. – «королевство» со значительной внутренней автономией в составе Непала. Всю его территорию с севера на юг пересекает река Кали Гандаки, которая образует глубокое ущелье. Поскольку вода протекает там на высоте 2540 м над уровнем моря, а по бокам высится несколько 8-тысячников, то Калигандакское ущелье считается самым глубоким в мире. По нему шли караваны из Тибета в Индию и обратно, но из-за многочисленных налетов непальцев древняя караванная тропа приходит в запустение. Вдоль берегов р. Кали Гандаки и ее многочисленных притоков расположено множество заброшенных поселений, пещерных монастырей, пунктов наскального искусства и иных памятников. Судя по данным радиоуглеродного и термолуминисцентного анализа, эти сооружения активно использовались в период с XI по XV в., что отнюдь не исключает присутствия и более ранних памятников.

В данном докладе мы представим петроглифы местонахождения *Как Ньингба* в южной части Мустанга, на высоте 2770 м над уровнем моря. Они представляют собой изображения, выбитые каменными орудиями на плитах песчаника по берегам р. Кали Гандаки – всего 1189 фигур, не считая множества отдельных лунок. Выбивка, как указано исследователями этих петроглифов, затем могла подшлифовываться.

Предлагаемые датировки варьируют от несомненно поздних (для буддийских символов с тибетскими письменами), так и вероятно, гораздо более ранних. В основании одной из плит раскопан культурный слой с неолитическими вещами, но говорить о прямой связи с ним рисунков на скале мы не можем. Для уточнения дат следует обратиться к поискам аналогий.

Среди выделенных сюжетов наибольший интерес, на наш взгляд, представляют не линейные анималистические композиции, аналогии которым можно найти в памятниках наскального искусства разных эпох; и даже не сюжеты, в которых представлены дикие и домашние яки, всадники-охотники с луками, а изображения в виде отпечатков человеческих рук и стоп, и особенно нефигуративные геометрические и специфические знаки в сочетании с чашечными углублениями. Исследовавшая этот памятник доктор П. Полье [2000; 2003] совершенно справедливо указала в качестве аналогии на памятник Аршан Хад на северо-востоке Монголии (Хэнтэйский аймак), где известно скопление знаков, выбитых на отдельном камне. Ряд знаков: круги, треугольники, полукружия и главное – знаки копыт, находят прямые аналогии с петроглифами *Как Ньингба*. Этот комплекс монгольских петроглифов исследователи датировали эпохой мезолита [Новгородова, 1984].

За время, прошедшее с конца прошлого века, ряд ярких наскальных комплексов, содержащих подобные знаки, причем в сочетании друг с другом, были обнаружены и исследованы на северо-западе Казахстана в верховьях р. Эмба (Мугоджарские горы) [Деревянко и др., 2001, Самашев, 2006]. На сводах грота Толеубулак выгравированы и прошлифованы знаки, аналогичные непальским – копытовидные (грибовидные или почковидные, по Самашеву), геометрические, а также чашевидные углубления-лунки. Этот комплекс, по мнению З. С. Самашева, является древнейшим на территории Казахстана и относится к каменному веку (мезолиту или неолиту, а возможно, и к палеолитической эпохе) [Самашев, 2006].

Воспроизведение копытовидных знаков, в том числе в сочетании с отпечатком человеческой стопы, также встречается в петроглифах Баруун Цахир в Монголии [Цэвэндорж, 1999], а также в петроглифах гор Иньшань в Китае [Гай Шаньлинь, 1986].

Петроглифы Мустанга, на которых изображены люди, вооруженные топорами, имеют аналогию с петроглифами, изученными К. Йетмаром в верховьях Инда; он датировал эти памятники ранним железным веком.

Комплекс петроглифов, открытых в Гималаях, в свете этих очевидных аналогий представляет совершенно очевидный интерес как с точки зрения территориального распространения и картографирования петроглифов Центральной Азии, так и в отношении датировки и интерпретации наскальных изображений этого неординарного памятника.

П. В. Мартынов

ТГ-канал «В сердце Азии», г. Екатеринбург

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПЕТРОГЛИФОВ ТИБЕТСКОГО НАГОРЬЯ КИТАЙСКИМИ АРХЕОЛОГАМИ В СЕЗОНЕ 2021 ГОДА

Китайские ученые провели серию комплексных исследований на берегах оз. Нам-цо – второго по величине на Тибетском нагорье. В этих работах принимала участие и археологическая экспедиция. На северном берегу озера изучены четыре местонахождения петроглифов, а также обследованы остров Таши и район скалы, называемой из-за своей формы «Небесные ворота священного слона». В пещере № 1 обнаружены 302 изображения яков, оленей, орлов, лошадей и т. д. Отчетливо изображены сцены охоты на яков и оленей с использованием лука и стрел.

Выделены более ранние и более поздние группы наскальных рисунков, последние включают также надписи на древнетибетском языке, предположительно сделанные в XIII–XV вв. Это первый выявленный в регионе случай, когда древние надписи перекрывают собою еще более ранние петроглифы. Особый интерес представляет изображение человека в короткой одежде, ведущего двух верблюдов,

которое может быть свидетельством существования контактов с соседними областями.

Краситель, которым рисовались петроглифы, изготавливался из породы с высоким содержанием оксида железа. Выходы такой породы выявлены на о. Таши. Кроме того, экспедицией найдены более сотни изделий из камня, включающих нуклеусы, отщепы, скребки, остроконечники и т. д. Все эти находки представляют собой подъемный материал, поэтому их точная датировка мало возможна. Однако нынешние находки показывают, что район озер в Северном Тибете был обитаем с глубокой древности, а дальнейшее изучение позволит уточнить развитие материальной культуры в этом регионе от каменного века до средневековья.

达吾力江·叶尔哈力克
中国人民大学历史学院，北京

战国至汉代丝绸北向传播路线初论

中国与西方的早期丝绸之路文化交流是从阿尔泰山开始的。其中，巴泽雷克墓地体现了大量与新疆地区以及中原地区交流的文化因素，出土的丝绸、漆器等制品与长江流域所发现文物相似，而战国时代，中国丝绸和漆器生产中心在楚国，这说明战国时代楚国文化艺术作为当时的代表，在早期丝绸之路上发挥了重要作用。我们认为，早期西方对中国的了解可能主要来源于这条传播通道，其中新疆东北部是重要传播通道。匈奴在蒙古高原兴起后，这条交通道路仍然在使用并进一步扩展。诺颜乌拉墓地所出铜镜、丝绸等文物与中原地区依旧有较强的文化交流现象。同时，张骞开凿西域后，汉王朝与西域的文化交流进一步加强，从而在汉代西域地区也可以见到丝绸的传播。本文通过对巴泽雷克、诺颜乌拉墓地中所出丝绸元素以及其他相关印证文化交流的文物，结合前人的考古调查与研究，初步讨论早期丝绸之路上以丝绸为主的文化因素向阿尔泰山传播的路线。

ПРИВОЗНЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ ПРЕДМЕТЫ НА ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ ЯЁЙ

Среди типичных предметов, обнаруживаемых на памятниках эпохи яёй на территории Японских островов, привлекают внимание стеклянные бусины различной формы: *магатама*, круглые и трубкообразные. Химический анализ стекла позволяет достаточно точно определить его происхождение. Находки и исследования последних лет дают возможность прояснить картину появления стеклянных предметов и их производства на Японских островах. Одним из самых известных памятников эпохи яёй на о. Кюсю является могильник Хирабару в преф. Фукуока, который состоит из пяти курганных сооружений. Курган № 1 – самый крупный и представительный с точки зрения инвентаря. Наибольший интерес вызывают 40 бронзовых зеркал различных размеров и сотни бусин, в том числе стеклянные. Данное погребение считается захоронением правительницы местности Итококу. Памятник был обнаружен и раскопан в 1960-е гг., изучение материалов продолжается и в наши дни.

В 2021 г. завершилось специальное исследование, посвященное стеклянным бусинам Хирабару. Международный коллектив ученых (Япония, Монголия, Казахстан) проводил анализ химического состава синих круглых бусин. В результате исследования в составе стекла обнаружены окись натрия, сурьма и магний. Наличие окиси натрия характерно для стеклянных изделий из Средиземноморья. Поэтому исследовательский коллектив считает, что бусины попали на Японские острова посредством Великого Шелкового пути, соединявшего запад и восток Евразии и проходившего через Центральную Азию и Монголию.

Регион Итококу на рубеже эр являлся одним из центров международного обмена товарами, которые попадали в Японию через Корейский полуостров. Впоследствии производство стекла стало развиваться и на территории древней Японии, о чем свидетельствует нахождение форм для бусин *магатама*. Эта форма была обнаружена при раскопках памятника Акаидэ, преф. Фукуока, относящегося к середине – второй половине периода яёй.

Литература

Итококу рэкиси хакубуцукан (Музей истории Итококу). Итосима: Дэйсудзьяпан кабусики кайся, 2012. 80 с. (на яп. яз.).

An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / Ed. by W. Steinhaus, S. Kaner. Oxford: Archaeopress, 2016. 342 p.

Mizoguchi Koji. An archaeological history of Japan: 30.000 BC to AD 700. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2002. 274 p.

The Cambridge History of Japan / D. M. Brown, J. E. Kidder, Inoue Mitsusada, Naoki Kojiro, Okazaki Takashi, Matsumae Takeshi, Sonoda Koyu, Torao Toshiya, E. A. Cranston. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. Vol. 1: Ancient Japan. 310 p.

М. А. Кудинова

Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ БЛЯШЕК С БИРЮЗОЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ ЗАПАДНАЯ ХАНЬ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО О ТОРГОВЛЕ ПО МОРСКОМУ ШЕЛКОВОМУ ПУТИ

В нескольких элитных гробницах эпохи Западная Хань найдены своеобразные украшения – золотые бляшки с инкрустацией. К числу этих погребений относятся: 1) гробница наньюэского вана в г. Гуанчжоу пров. Гуандун; 2) ханьское погребение в горах Фулайшань, уезд Цзюйсянь пров. Шаньдун; 3) погребение вана Цзянду Лю Фэя на холме Даюньшань, уезд Сюйи пров. Цзянсу; 4) гробница чуского вана на склоне горы Шицзышань в г. Сюйчжоу пров. Цзянсу. Исследуемые предметы представляют собой выпуклые нашивные бляшки полусферической формы, украшенные зернью и проволокой, а также вставками бирюзы. Диаметр 1,1–1,3 см, высота – 0,5 см. С внутренней стороны припаяно ушко для крепления. Узор на внешней стороне различался по числу гнезд для вставок камней и их оформлению. В центре – круглое гнездо, вокруг него – три или четыре гнезда каплевидной формы, между которыми напаяны украшения в виде пирамидок из шариков зерни. Внешний облик и технология изготовления бляшек не характерны для Китая той эпохи, вероятно, они

имеют западное происхождение. Впрочем, нельзя исключать и возможность их производства в Китае по заимствованной технологии.

Погребения с бляшками расположены в восточных приморских районах. Это позволяет предположить, что изделия были доставлены в Китай по морю. В этих могилах найдены и другие предметы западного импорта. В гробнице вана Наньюэ обнаружены серебряная шкатулка, происходящая, вероятно, из Парфии, африканская слоновая кость, ладан. В могиле Лю Фэя также найдена шкатулка, практически идентичная экземпляру из мавзолея вана Наньюэ, и два серебряных блюда, украшенных тем же каплевидным (лепестковым) орнаментом. Паньюй (совр. Гуанчжоу) еще в начале III в. до н. э. был одним из важнейших центров морской торговли, что нашло отражение в письменных источниках и подтверждается данными археологии. Районы Цзянсу и Шаньдуна также были связаны каботажным судостроением с портами юга Китая.

Д. П. Шульга

Сиб. ин-т управления – Филиал РАНХиГС, г. Новосибирск

ВОСЬМОЙ ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ РУБЕЖ РОМЕЙСКИХ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

На территории КНР встречаются монеты (и их имитации) Восточной Римской империи с изображениями императоров от Феодосия Каллиграфа (правил в 408–450 гг.) до Константина V (правил в 741–775 гг.) [Li Qiang, 2015]. При этом, если обратиться к истории изучения византийской нумизматики в Китае, то одной из первых находок стала копия солида Исаврийской династии (717–808 гг.), обнаруженная в 1897 г. в Синьцзяне. Почему же именно подражания солидам Константина V завершили длившуюся несколько веков традицию использования ромейского золота на Шелковом пути?

Очевидную роль сыграли арабские завоевания, из-за которых политическая карта Евразии сильно изменилась. Восточная Римская империя получила серьезный удар, так что монет базилиевсов второй половины VII в. на территории КНР не известно. Серебряные монеты

халифата постепенно занимают свое место в международной торговле. Впрочем, сводить все к арабскому завоеванию вряд ли правомерно. И во времена Юстиниана I между Поднебесной и Византией располагалось сильное государство со стабильной серебряной валютой – империя Сасанидов. Персы также штурмовали византийские рубежи, занимая на время азиатские владения ромеев, однако имитации солидов этого периода (середина VI – первая половина VII вв.) есть как в Китае, так и в Монголии [Го Юньянь, 2016].

Следует обратить внимание на события в самих Танской и Византийской империях. Восстание Ань Лушаня стало началом для целого столетия смут, войн и мятежей. Экономический потенциал Поднебесной упал, нанеся определенный урон и международной торговле. В Восточной Римской империи на время восторжествовало иконоборчество. Естественно, для Средней Азии и Дальнего Востока это не имело особого значения, но из-за религиозной политики Исаурийской династии наметился раскол между Западной Европой и Константинополем, что несколько уменьшило влияние Византии в раннесредневековой мировой экономике.

Литература

Li Qiang. Roman Coins discovered in China and Their Research // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2015. Vol. 5. P. 290–297.

Го Юньянь. Лунь мэньгуго баяньнээр туцзюэ бихуа му сочу цзиньиньбидэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征]. Об особенностях формы золотых и серебряных монет из тюркских погребений с фресками в Баян-Нуре (Монголия) // Цаоюань вэньбу. 2016. № 1. С. 117–125.

Г. В. Кубарев

Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ КАРЛУКОВ АЛТАЯ В VIII ВЕКЕ И ИХ ТОРГОВЫЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ С ТАНСКИМ КИТАЕМ

Раннесредневековые памятники Алтая археологи интерпретируют, как правило, как «древнетюркские» или «тюркские», либо как памятники «алтае-телеских тюрок» или «алтае-орхонских тюрок».

До недавнего времени я придерживался такой же точки зрения, пока не обратился к сбору и анализу раннесредневековых тамг Алтая и сопредельных территорий. Попытки выяснить этническую или племенную принадлежность одной из наиболее многочисленной на Алтае группы >-образных тамг заставили меня в очередной раз обратиться к данным письменных источников. Я пришел к выводу, что большая часть раннесредневековых погребений с конем и поминальных оградок с изваяниями на Алтае оставлена карлуками. К выводу о проживании карлукских племен на территории географического Алтая, Джунгарии и Восточного Казахстана на основе данных письменных источников ранее пришли историки А. К. Камалов [2001. С. 90–93] и С. Г. Кляшторный [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 113].

В случае с тюркской интерпретацией раннесредневековых памятников Алтая, среди прочего, вставал один трудноразрешимый вопрос: Почему наиболее многочисленная и «богатая» часть раннесредневековых погребений Алтая датируется VIII – первой половиной IX вв.? Действительно, наблюдается парадоксальная ситуация: Второй Тюркский каганат разгромлен в 744 г., на его месте создан Уйгурский каганат (745–840 гг.), а на Алтае «тюрки» продолжают не просто проживать, а процветать. Именно к этому периоду относится подавляющее большинство исследованных на Алтае погребений с конем, причем, богатых по инвентарю (серебряные сосудики, серебряные и позолоченные поясные наборы, китайский шелк и пр.), с двумя-тремя или даже четырьмя сопребенными лошадьми.

На то, что эти погребения «...вряд ли оставлены зависимым и подчиненным населением, к тому же, достаточно многочисленным» я обращал внимание в книге, посвященной древним тюркам Алтая [Кубарев, 2005. С. 143]. Также Д. Г. Савинов [2013. С. 454] пытался объяснить феномен расцвета культуры «алтае-телеских тюрок» Алтая во второй половине VIII – первой половине IX вв. в специальной статье. Исследователь предположил существование на Алтае в этот период этноса-элиты наподобие «царских» скифов. По его мнению, причина такого возвышения алтайских тюрок после разгрома Второго Тюркского каганата заключалась в той самой телеской составляющей, которая якобы роднила их с уйгурами [Там же]. По мнению Д. Г. Савинова алтае-телеские тюрки участвовали в военных походах уйгуров, что объясняет богатство погребений этого времени и наличие импортных вещей в них.

Однако это лишь умозрительная конструкция, которая не имеет никакого подтверждения в письменных источниках. Уйгурский каганат с севера и с северо-запада был окружен исключительно врагами: кыргызами, чиками, азами, карлуками. Эти племена образовывали военную коалицию против уйгур и вели с ними ожесточенную борьбу.

Напротив, идентификация раннесредневековых памятников Алтая с карлуками как нельзя лучше объясняет этот феномен расцвета культуры, наличия богатых погребений и отсутствия каких-либо археологических памятников уйгур на Алтае (погребений, изваяний и проч.). Из китайских письменных источников известно, что карлуки проживали на территории Алтая и отправляли многочисленные посольства в Китай в середине VIII в. [Камалов, 2001. С. 90; Малявкин, 1989. С. 43–44], что объясняет большое количество китайского импорта в погребениях и, в частности, шелка. Необходимо отметить, что императорский двор уделял большое внимание и почет карлукским послам и щедро их одаривал. Невозможно не согласиться с выводом А. Г. Малявкина [1989. С. 43], который объяснял этот факт тем, что карлуки рассматривались танским Китаем в качестве союзников, важной политической и военной силы, способной противостоять уйгурам, возрождавшим в этот период свое государство. Поэтому «уйгурский вопрос» был одной из важнейших тем переговоров с карлуками.

Таким образом, можно говорить о «звездном часе» карлуков Алтая в VIII в., которые сначала боролись с тюрками-тугу, оспаривали Отюкен у уйгуров и поддерживали активные дипломатические контакты с танским Китаем.

Литература

Камалов А. К. Древние уйгуры: VIII – IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филолог. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.

Савинов Д. Г. «Звездный час» раннесредневекового населения Горного Алтая (середина VIII – середина IX в.) // Фундаментальные

проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию акад. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 445–459.

李铉宇 (Lee Hyunwoo)

韩国 釜山大学 考古系

铁马镫新考

从考古材料来看,东北亚年代最早的马镫形象是在中国湖南长沙金盆岭 M21 (302 年)出土的骑马俑上表现出的单马镫。西晋马具包括马镫直接影响到三燕马具,4 世纪中叶韩半岛南部地区受到三燕马具的影响,新出现了单马镫、高桥鞍、鎏金节约等各种马具。进入 5 世纪,韩半岛南部地区开始使用双马镫,并一直沿用到 6 世纪中叶。这些马镫多为木芯外包铁片马镫。5 世纪末铁马镫开始出现,主要流行于 6 世纪前半叶。韩半岛出土的铁马镫有两种,一种是揉铁镫,模仿木芯马镫的做法而制造,与一般的木芯马镫相同,是将一条铁片揉曲成轮、合并成柄。另一种是锻造而成的铁马镫,柄部是一根铁细杆,整体柄部呈长条形或 T 字形。揉铁镫稀少,锻造铁镫则较多。韩国学者柳昌焕以踏部和柄部的形状为基准,将锻造铁镫分为四个型式。I 式由 1 条踏部和 I 字形或 T 字形柄部组合,II 式由 2 条踏部和 T 字形柄部组合,III 式由 3 条踏部和 T 字形柄部组合,IV 式由宽幅踏部和 T 字形柄部组合,从 I 式到 IV 式演变。

中国境内最早的铁马镫发现于宁夏固原北魏墓,该墓的年代为 5 世纪末。这一副铁马镫属于柳昌焕分类的 I 式铁镫,与韩半岛南部地区出土的早期铁镫形制相似。林梅村和马丽亚·艾海提认为,公元 5 世纪末 6 世纪初北魏铸造的直柄横穿形铁马镫传入韩半岛。在韩半岛南部地区,铁马镫主要分布于新罗和加耶地区,新罗首都庆州为一处分布中心。5 世纪末以后新罗和北魏的交流之中,北魏的由 1 条踏部和 T 字形柄部组合的铁马镫、钟形杏叶两种马具传入新罗。此后,新罗的铁马镫继续发展。但是 6 世纪后半叶随着石室墓和薄葬观念的采用,马具不再随葬于墓葬中。

参考玛丽娅 (Maria Kudinova) 的研究,5 世纪末以后在南西伯利亚、西西伯利亚和伏尔加河地区发现的铁马镫,短柄、马蹄形轮、

1 条剖面呈 T 字形的踏部, 形制已经被典型化。这些铁马镫与北魏和韩半岛出土的铁马镫有所不同。

А. А. Орлова

Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

НАХОДКИ КИТАЙСКОЙ КЕРАМИКИ И ФАРФОРА НА ПОБЕРЕЖЬЕ В КЕНИИ

Крепкие торговые связи между Восточной Африкой и Китаем существовали на протяжении долгого времени. Керамика, благодаря своей долговечности, представляет собой важный источник информации по истории взаимодействий регионов.

Под эгидой Министерства торговли Китая в 2010–2013 гг. археологической группой Пекинского университета и Национального музея Кении (возглавляемой профессором Цинь Дашу) были проведены исследования китайской керамики, обнаруженной в ходе археологических раскопок. В итоге была доказана подлинность китайского фарфора, в значительных количествах обнаруженного на таких памятниках, как португальский Форт Иисус в Момбасе, руины поселения Геди в Малинди, участок Шанга на о. Пате, г. Манда на о. Манда и т. д. Всего за трехлетний период было исследовано 10612 фрагментов китайской керамики и фарфора [Ке, 2019].

Согласно имеющимся данным, наиболее раннее свидетельство экспорта китайской керамики – 19 фрагментов посуды из мастерских г. Чанша – датируются IX в. Пик торговли приходится на период со второй половины XIII в. по первую четверть XV в., при этом отмечается преобладание фарфора и селадона печей Лунцюань (пров. Чжэцзян). Вместе с этими находками в небольших количествах обнаруживается также керамика из провинций Фуцзянь, Гуандун, Аньхой и т. д. Начиная с середины XV в. распространяется сине-белый фарфор печей Цзиндэчжэнь (пров. Цзянси); замечен рост количества изделий из Юго-Восточной Азии, а также имитаций лунцюаньской керамики [Zhao Bing, 2015].

Китайский фарфор имел в высокую ценность и для торговцев представляла важный капитал. Даже керамические черепки исполь-

зовались повторно: крепились в качестве украшений для одежды, помещались на стены глиняных домов и т. д. [Idem]. Импорт керамики продолжался вплоть до XIX в., когда европейцы взяли под свой контроль торговлю в Индийском океане. Кроме того, восстание тайпинов разрушило знаменитые печи Цзиндэчжэнь и нарушило сухопутную торговлю в Китае [Kusimba, 2018].

Таким образом, восточноафриканское побережье было одним из важных центров потребления китайской керамики и фарфора, «путешествовавших» по всему миру от производственных площадок в Китае и Юго-Восточной Азии до Восточной Африки, проходя через различные региональные наземные и морские пути, в первую очередь, через Морской Шелковый путь.

Литература

Ke Q. An Investigation of Chinese Ceramics Discovered in Kenya and Major Conclusions // ART.ZIP (online magazine). 01.06.2019. URL: <https://www.artzip.org/investigation-chinese-ceramics-discovered-kenya-major-conclusions> (дата обращения 29.10.21).

Kusimba Ch. Ancient Trade between China and East Africa // Early Maritime Cultures in East Africa and the Western Indian Ocean. Oxford: Archaeopress, 2018. P. 83–102.

Zhao Bing. Chinese-style ceramics in East Africa from the 9th to 16th century: A case of changing value and symbols in the multi-partner global trade // *Afriques* (online journal). 2015. Iss. 6. DOI: 10.4000/afriques.1836 (дата обращения 29.10.21).

СЕКЦИЯ «КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ КИТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»

Д. В. Соколов

Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

КОНТАКТЫ СЮННУ И ИМПЕРИИ ХАНЬ ЗАПАДНОМ КРАЕ: ВЗГЛЯД ЯПОНСКОГО ИСТОРИКА СИРАТОРИ КУРАКИТИ

Одной из центральных тем научного творчества Сиратори Куракити (1865–1942), члена Императорской академии, внесшего значительный вклад в формирование современной японской исторической науки, были древние кочевые народы Китая. Сиратори считал, что ожесточенная борьба между народом хань и кочевниками, хозяевами Монгольской пустыни, привели к усложнению социальной организации древних ханьских государств и консолидации ханьской этнической общности.

Подробно модель взаимоотношений кочевых варваров и ханьцев Сиратори рассматривал на примере державы сюнну, внешняя политика которой основывалась на набегах на империю Хань, последующем примирении и получении дани. Кроме того, сюнну смогли взять под контроль Ганьсуский коридор (земли Хэси), соединявший владения империи Хань и оазисные государства Западного края. Их Сиратори называл «сокровищницей», обеспечивавшей стабильность кочевого государства сюнну. Поэтому вполне закономерным было желание ханьского императора У-ди изгнать кочевников из этого региона и тем самым лишить их важного источника доходов.

Однако, как указал Сиратори, контакты сюнну и ханьцев не ограничивались вооруженными стычками. В частности, он обнаружил возможное взаимовлияние между религиозными культами сюнну и ханьцев. Так, сюннуский Сючу-ван, чей домен находился в восточной части земель Хэси, по-видимому, использовал в ритуальной практике золотую статую, отлитую по ханьскому образцу, а ханьцы построили святилище сюннуского бога Цзинлу, жертвоприношение которому Сиратори отождествлял с сюннуским культом меча.

Ряд положений Сиратори Куракити нашли поддержку научного сообщества, вокруг других возникла дискуссия, участие в которой приняли и зарубежные исследователи.

Д. П. Шульга

Сиб. ин-т управления – Филиал РАНХиГС, г. Новосибирск

О КИТАЙСКИХ МОДЕЛЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВИЗАНТИИ)

КНР представляет собой, по сути, единственную в мире влиятельную страну с непрерывной государственностью, начинающейся с древности. В научно-популярной литературе и публицистике нередко тиражируется мысль, что Поднебесная всегда воспринимала своих внешнеполитических партнеров как «варваров», не принимая иных форм взаимоотношений, кроме патронатных. Действительно, северные кочевые объединения нередко фигурируют у древних и средневековых китайских авторов как дикая и враждебная сила. Но это не значит, что такой подход был единственно возможным.

Пример признания за «контрагентом» равного статуса – контакты средневековых династий Китая с Византией. Заметное влияние на Шелковом пути имел золотой солид Восточной Римской империи [Li Qiang, 2016]. Помимо монет, отчеканенных, очевидно, в Константинополе, в западных регионах Китая активно обращались копии различного качества [Lin Ying, 2005]. Имели место специфические мотивы в искусстве [Liveri, 2019], которые среди исследователей принято соотносить с ромейской культурой [Walker, 2010]. Несторианское христианство, хронологически и территориально широко распространившись в Азии, оказало влияние на империю Тан и ее северных соседей [Comneno, 1997]. А из летописей известно, что в XI в. ко двору династии Сун прибывали послы из «страны Фулинь», как в средневековом Китае именовали Византию [Liveri, 2019. P. 72].

Традиционным для Римской, а затем и Ромейской империи названием было сочетание «Великая Цинь» (Дацзинь, 大秦). Исторически Цинь – первая империя единого Китая. Таким образом, сравнение с ней – показатель уважительного отношения китайцев к равновеликой державе.

Литература

Comneno M. A. L. Nestorianism in Central Asia during the First Millennium: Archaeological Evidence // *Journal of the Assyrian Academic Society*. 1997. Vol. XI, no. 1. P. 20–67.

Li Qiang. Discussion on Byzantine Numismatic Research Excavated on the Eurasian Steppe Silk Road and Desert Oasis Silk Road // *Steppe Cultural Relics*. 2016. № 1. P. 109–112.

Lin Ying. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road // *The Silk Road Journal*. 2005. Vol. 3, no. 2. P. 16–19.

Liveri A. Fu-lin dances in medieval Chinese art – Byzantine or imaginary? // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019. Vol. 56. P. 69–94.

Walker A. Patterns of Flight: Middle Byzantine Appropriation of the Chinese Feng-Huang Bird // *Ars Orientalis*. 2010. Vol. 37. P. 188–216.

А. Е. Соболев, А. С. Соболева
Музей истории города Хабаровска

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ С КИТАЕМ В VII–X ВЕКАХ

Эпоха раннего средневековья в Восточной Азии – время экономического и культурного расцвета китайского государства. В ходе установления и расширения контактов с соседними народами и государствами одними из важнейших становятся взаимоотношения Китая с народами Японских островов – японцами и айнами. За счет этого в Японию проникают идеи, которые в последующем оказали очень большое влияние на путь развития японского государства и общества.

Важнейшие материалы об этих контактах содержат официальные династийные хроники «Цзю Таншу» и «Синь Таншу», а также японские летописи, например, «Нихон сёки». В них показан интерес Китая к различным аспектам японского общества, а также прослежена история взаимоотношений Японии, Китая, государств Корейского полуострова. На основе этого появляется возможность сравнительного анализа сходных сведений японских и китайских хроник.

В этом же ключе можно рассматривать данные эпиграфики, в частности тексты стел, обнаруженные недавно в Китае и содержащие новые данные.

Д. П. Шульга

Сиб. ин-т управления – Филиал РАНХиГС, г. Новосибирск

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ВСАДНИКОВ» ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ НАЛОЖНИЦЫ У²

В искусстве Суй и Тан особняком стоит так называемые образы из Фулинь [Walker, 2010]. В труде «Чжэньгуань гунсы хуаши» (贞观公私画史, «История частного и общего искусства эпохи девиза правления Чжэньгуань», т. е. 627–649 гг.) говорится о том, что «фулиньские» изображения людей, духов и животных имеют некоторое распространение в Западном Крае и на Центральной равнине. Очевидно, подобные мотивы были и при Суй [Liveri, 2019]. Живописцы VIII в. Ван Вэй, Чжан Сюань, Чжоу Фан рисовали «фулиньских мужчин и дев» (拂林人物, 拂林妇女图). В созданном при Сун (ок. 1120 г.) «Каталоге живописи Сюаньхэ» (宣和画谱) говорится о том, что «фулиньских дам и небесных коней» рисовал Ли Гунлинь (1049–1106 гг.).

Вывезенный в США и лишь в 2010 г. возвращенный в Сиань каменный саркофаг императорской наложницы У (690–737 гг.) после реставрации продемонстрировал весьма интересные сюжеты. На них бородатый мужчина умиротворяет зверя, напоминающего льва, возможно, с целью оседлать хищника. Некоторые исследователи считают, что перед нами влияние античности (через Византию), а антропоморфная фигура – это Дионис. Можно ли согласиться с «античной» интерпретацией [Гэ Чэньюн, 2015. С. 124]? Действительно, мотивы восседающего на кошачьем хищнике Диониса в эллинистическом и римском искусстве есть (одна из находок, к слову, была сделана в Монголии чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак). Однако следует

² Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

признать, что изображения всадников на конях с характерными султанчиками на гриве – черта явно не средиземноморская. Львы также изображаются в традиционной для Дальнего Востока манере.

На наш взгляд, если на саркофаге и имеет место азиатская интерпретация античной мифологии, то она скорее соотносится с циклом преданий о Геракле (если говорить о борьбе с хищником). Восседающие на зверях божества могут быть соотнесены с Дионисом (хотя и претерпевшим заметную трансформацию). «Конные фигуры» могут свидетельствовать о дальнейшем уходе восточных мастеров от эллинского прототипа, когда ездовое животное произвольно заменялось на «небесного скакуна» (天马).

Литература

Walker A. Patterns of Flight: Middle Byzantine Appropriation of the Chinese Feng-Huang Bird // *Ars Orientalis*. 2010. Vol. 37. P. 188–216.

Liveri A. Fu-lin dances in medieval Chinese art – Byzantine or imaginary? // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019. Vol. 56. P. 69–94.

Гэ Чэньюн. Цун чу ту хань чжи тан вэнью кань оуя вэньхуа цзялю ихэнь [葛承雍。从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 // 故宫博物院院刊]. Следы евразийских культурных связей по данным раскопанных памятников материальной культуры от Хань до Тан // Гугун боуюань юанькань. 2015. № 3. С. 111–125 (на кит. яз.).

阿依吐松•苏旦、潘志平

新疆大学，乌鲁木齐

新疆大学马克思主义学院，乌鲁木齐

丝绸之路叶尔羌—拉达克段历史地理研究

新疆南部的叶尔羌与西藏西部的拉达克，历来就是丝绸之路上的重镇，其间贸易往来从未被其间耸入云霄的昆仑和喀喇昆仑山所阻断。一般认为，丝路随着海路交通兴起而没落，但亚欧大陆腹地内部物流没有也不可能停止。明清以来，叶尔羌与拉达克间有过相当繁荣的贸易，就是生动例证。

丝绸之路是联系亚欧大陆的古商道，其状尤如网络般，其中新疆南部叶尔羌通往西藏西部拉达克列城的商道，是古丝路的通往南亚的重要支路。叶尔羌—拉达克段曾有过比较繁荣的贸易往来，尽管其间商道极其艰险。昆仑和喀喇昆仑两座大山间的赛图拉是此商道的枢纽，叶尔羌至赛图拉主要有桑株、奇灵和玉喇阿里克三条道；赛图拉至列城主要有昌器利满和喀喇昆仑达坂两条道，今天新疆—西藏现代公路大体就是沿叶城—玉喇阿里克—赛图拉—昌器利满，再转西走向拉萨。清政府对来自拉达克商人征收商税不重，叶尔羌—拉达克两地贸易的内容主要是贵重商品的互换。清末拉达克被英人所占，但叶尔羌—拉达克段贸易仍在继续，但它已成为中英间的国际贸易。拉达克至叶尔羌古商道以往都是民间商路，可是在第二次世界大战时期成为一条特殊的军事物资补给线。1941年底太平洋战争爆发，日本帝国主义横扫东南后又出兵缅甸，企图断绝反法西斯盟国的中印公路。中国政府派出远征军入缅作战，初师不利。中国抗日战争进入最困难时期，有大量作战军用物资滞留在印度，为了打破日本的封锁，国民政府考虑经由拉达克至叶尔羌这条古道，辗转新疆运输军用物资。经过勘察和组织准备，1944年夏正式启动拉达克至叶尔羌古商道。新疆各族民众被充分发动起来，数千名驮工和三千余牦牛参加其中。据统计，这条道一年间运输了444套汽车轮胎、782包军用布匹、588件装油袋、电讯呢料63捆2850件。驮工风餐露宿，不畏艰难，有的甚至献出自己宝贵的生命，为世界反法西斯斗争做出伟大贡献，这或许是这条古道上最辉煌的一幕。

РОЛЬ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В ИЗУЧЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

В середине XIX столетия началось активное проникновение России в Центральную Азию, вызванное военно-стратегическими причинами — необходимостью обеспечения безопасности подвергавшихся набегам пограничных территорий и противодействия планам Великобритании захватить контроль над регионом. Тогда же началась активная разведка и исследование обширных территорий к югу от Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, в ходе которой прославился Чокан Валиханов — потомок правителей Казахского ханства, верно служивший России всю свою недолгую жизнь. Он стал не только офицером русской армии, но и путешественником, этнографом и историком, память о котором сегодня хранят как в Казахстане, так и России.

С 1856 по 1859 гг. Ч. Валиханов принял участие в трех больших экспедициях. В 1856 г. состоялось две его экспедиции — на оз. Иссык-Куль и в китайский город Кульджу. Самое знаменитое путешествие Чокана Валиханова, вошедшее в анналы не только отечественной, но и мировой географической науки, — в страну Шести городов, древнюю и неприступную Кашгарию — состоялось в 1858–1859 гг.

По итогам этих экспедиций Ч. Валиханов написал отчеты «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Очерк о Джунграии», «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малая Бухария) (1858–1859)».

Труды Ч. Валиханова были высоко оценены востоковедами в России и за ее пределами. Исследователь не ограничивался только сбором фактов, в поисках закономерностей он шел дальше и делал попытки их систематизации. Так, например, вызывает значительный интерес сделанный им по классической схеме обзор Кашгарии, в котором дается, по сути дела, двухступенчатая географическая характеристика: о стране в целом и по районам. В своих дневниках и записках Ч. Ч. Валиханов зафиксировал детальные описания маршрутов в Центральную Азию и Синьцзян, которыми позднее пользова-

лись как русские, так и зарубежные географы. Много внимания ученый уделял картографии. Он отчетливо понимал ее значение в изучении края и много сделал сам в этой области.

Во время пребывания в Кашгаре Валиханов познакомился со многими купцами, чиновниками и другими местными жителями. Ему удалось собрать сведения о населении «страны шести городов» (Алтышаар), как называли уйгуры Кашгарию. Исследователь фиксировал пройденные маршруты, записывал также данные о климате и природе страны, ее экономике. Весьма содержательным разделом этой работы является очерк истории региона, охватывающий большой хронологический период, со II в. до н. э. и до конца 50-х гг. XIX в. включительно. В историческом очерке Ч. Валиханов поднимал важные проблемы Малой Бухарии, описывал падение Джунгарии, характеризовал сложную ситуацию в Кашгаре, описал правительственную схему и политическое состояние края.

В. Г. Дацышен

Сиб. фед. ун-т, г. Красноярск

**ДИПЛОМАТ И УЧЕНЫЙ ЧЖАН ВЭЙ (張瑋):
ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ В ЗОНЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО
ПУТИ**

Доклад посвящен проблеме русско-китайского взаимодействия в сфере изучения истории и культуры в зоне Великого Шелкового Пути. В работе показано участие генерального консула Китайской Республики (КР) Чжан Вэй в научной и жизни Иркутска в середине 1920-х годов.

Чжан Вэй был первым Генеральным консулом КР в Советской Сибири. Он получил высшее образование в Пекине и Кембриджском университете. Вернувшись на родину, он получил ученую степень в области права и политики. После Синьхайской революции Чжан Вэй занимал ответственные посты в Министерстве иностранных дел. С 1924 по 1927 г. китайский дипломат работал в Чите и Иркутске, а после возвращения в Китай работал в аппарате МИДа и преподавал

в университете. С начал японской агрессии в 1937 г. и до своей смерти в тюрьме во время «культурной революции» в КНР Чжан Вэй вел частную жизнь, занимаясь изучением китайских древностей. Таким образом, в середине 1920-х гг. на посту генконсула Китая в Восточной Сибири работал высокообразованный дипломат, увлеченный историей Азии.

В то время Иркутск представлял собой важный центр науки и университетского образования. В период становления советско-китайских отношений вопрос о взаимодействии и сотрудничестве в данной сфере, в том числе и для Сибири, приобрел заметную актуальность.

Участие Чжан Вэя в научно-общественной жизни столица Восточной Сибири было активным и разносторонним. Он выступал с докладами в местных научных обществах, встречался с видными учеными, участвовал в дискуссиях, готовил научные публикации, дарил редкие китайские издания, помогал наладить сотрудничество между советскими и китайскими научными учреждениями. В Иркутске даже была опубликована одна из работ Чжан Вэя. В центре внимания китайского дипломата и ученого были проблемы взаимодействия между Китаем и народами Сибири в древности и средние века.

K. Hasnulina

*Universität Leipzig; Novosibirsk State University,
Novosibirsk State University*

THE SPATIAL-TEMPORAL DIMENSIONS OF CHANGCHUN HISTORY (1900–1960)

The city of Changchun has been containing the heritage of several different cultural epochs. At the end of the XIX century the Russian Empire built a railway station in the city ³ which became the starting point for its further growth. The city, inhabited by Han migrants, Manchus and Koreans, became the place of life and work of the subjects of the Russian Empire. In 1900, Russian settlements were built in the northern part of the city – the Kuancheng district. After the victory in the Russo-Japanese War

³ The railway station was built in accordance with the Sino-Russian Secret Treaty, 1896.

(1904–1905), Japan gained control over the southern part of the Chinese Eastern Railway, including Changchun. This event was followed by the construction of new Japanese districts which took place according to modern westernized planning principles and technologies. With the creation of the Manchukuo puppet state (1932–1945), Changchun became its capital city and was renamed into Xinjing ("New Capital").

During the Manchukuo period, the Changchun was a place of civil war between the Chinese population and the Japanese invaders, who organized forced conscription, forced labor. At the same time, it was a period of accelerated modernization and construction of the city. Japanese authorities sought to make Changchun a symbol of a national modernization project, and the new capital plan determined further architectural development: the old scattered districts were to become parts of a single metropolis. The plan of the capital city was designed by the Le Corbusier's students – Maekawa Kunio (1905–1986) and Junzo Sakakura (1904–1969). During the period of Japanese rule, it was possible to build the main government buildings and combine the districts of the old city into a single infrastructure, despite the fact that the capital plan was never fully implemented. The capital was a modern westernized project with features inherent in traditional Japanese architecture. Compared to works on the architectural history of Changchun, studies on the social life of the city during the Japanese occupation are disproportionately small. The social life of the city, on the one hand, was accompanied by the constant military presence of the Japanese; on the other hand, the Chinese were involved in urban activities, developing trade and industry. During the Second Sino-Japanese War (1937–1945) and World War II, the center of Xinjing was the headquarters of Wakamatsu Division under the command of Yujiro Wakamatsu. Soviet troops liberated the city from the Japanese military presence in August 1945, and it remained free until the city was occupied in 1946 by the Kuomintang army. In 1948, the PLA, after a five-month siege of Changchun, established power in the city, while it was blockaded for five months. After the formation of the PRC, the city was chosen as the industrial base of North China. With the beginning of the implementation of the First Five-Year Plan, Soviet organizations (GIPROGOR), together with Chinese specialists, carried out the reconstruction of the city center and designed the First Automobile Plant.

This paper shows how the Changchun architecture reflects the colonial and neocolonial past of the city. The architectural appearance of Changchun was a mixture of different influences – Russian Empire, Japanese

(with elements of Western architecture) and Soviet socialist realism. For a long time in history, the temporal dimension prevailed over the spatial one. Together with the spatial turn that took place about 30 years ago, the spatial dimension began to be considered by historians. The work shows how Changchun has become a place where different cultures are intertwined and reflected in the visual appearance of the city.

В. В. Станьева¹, С. А. Комиссаров^{2,3}

¹*Восточный ф-т Санкт-Петербург. гос. ун-та*

²*Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та*

³*Ин-т археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск*

МОНГОРСКИЙ ВАРИАНТ ЭПОСА «ГЭСЭР»

Героический эпос «Гэсэр» – одно из крупнейших эпических произведений мировой культуры. Он представлен в традиционной культуре многих народов Центральной Азии.

В 2009 г. все существующие на территории КНР варианты эпоса о Гэсэре были включены в список шедевров устного и нематериального наследия человечества ЮНЕСКО. В их число входят четыре национальных вариантов эпоса о Гэсэре, а именно тибетский, монгольский, монгорский и югурский. Каждый из них, в свою очередь, представлен несколькими локальными вариантами.

В отличие от тибетских и монгольских версий эпоса, в настоящее время в русскоязычном сегменте «гэсэроведения» степень изученности монгорских версий крайне мала, нет ни одного опубликованного масштабного научного исследования. Кроме того, монгорские версии эпоса обладают уникальным содержанием, в котором прослеживаются следы влияния соседних культур. Данный факт позволяет использовать их в качестве важнейшего материала при изучении не только собственной традиционной культуры монголов (ту), но и распространения эпоса «Гэсэр» в регионе.

К относительно неплохо изученному локальному варианту эпоса о Гэсэре (《格萨尔》) относится текст, записанный в Тяньчжу-Тибетском автономном уезде городского округа Увэй провинции Ганьсу. Он фиксируется на двух языках: тибетском и монгорском. Наряду со вставками на монгорском языке в ткань повествования

также проникли совершенно уникальные для данного варианта Гэсэриады элементы. Так, например, несмотря на классическое сюжетное построение и систему персонажей, в монгорском варианте эпоса введены нестандартные образы богов-демиургов и включены полноценные мифы об их «подвигах».

Таким образом, монгорская версия эпоса из Тяньчжу представляет собой важнейший источник по изучению мифологии, ритуалов и религиозных воззрений, присущих традиционной культуре монголов. Благодаря необычной структуре и персонажам, вероятно, исходно тибетская версия эпоса о Гэсэре трансформировалась в уникальный национальный вариант.

А. А. Родионов

Вост. ф-т Санкт-Петербург. гос. ун-та

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПЕРЕВОДЕ НОВЕЙШЕЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод и издание китайской литературы в России имеют давнюю историю и традиционно увязаны с целым рядом культурных, исторических и литературных факторов, среди которых прежде всего выделяются глубокие отличия культурных традиций России и Китая, значительная зависимость литературных связей от политики, сохранение у читателей устаревших стереотипов в отношении китайской литературы и др. Эти факторы обуславливают затруднения в восприятии китайских текстов российскими читателями, многократное отставание переводов китайской литературы в России от переводов русской литературы в Китае, прерывность и нестабильность переводческого процесса, а также длительное преобладание переводов классической литературы Китая над современной. Последнее десятилетие стало периодом, когда повышение значимости Китая в мире, рост интереса к Китаю в России, увеличение активности Китая в продвижении своей культуры за рубежом, наконец, просто качественные изменения в китайской литературе привели к появлению новых тенденций в переводе на русский язык новейшей китайской прозы.

Можно констатировать, что в этих переводах произошел мощный количественный рывок, серьезно изменилась жанровая структура переводимой литературы, сократилось отставание от издания китайской классики, возросло число переводчиков, произошла де-академизация переводческой деятельности. Вместе с тем рост интереса к Китаю и поддержка переводов пока не могут гарантировать стабильного объема переводимой литературы и значимых тиражей. Кроме того, низкая осведомленность читателей о культурно-исторических реалиях Китая, недостаток информации о новых переводах, доминирование западной литературы на книжном рынке и недостаточная вовлеченность крупнейших издательств препятствуют широкому признанию новейшей китайской прозы в России.

Д. Д. Полякова
Санкт-Петербург. филиал РАНХиГС

ПРОДВИЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА РУБЕЖ В РАМКАХ ПРОЕКТА «КНИЖНЫЙ АРОМАТ ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

Представленный в докладе проект «Книжный аромат Шелкового пути» (2014–2020 гг.) значительно расширил географию продвижения китайской литературы. В рамках проекта из 300 публикаций ежегодно примерно, 40–50 ед. составляют публикации переводов на английский язык, поскольку данный язык является международным. Кроме того, ежегодно еще 40–50 ед. составляет литература на арабском языке, поскольку в данном регионе реализуется большая часть экономических и энергетических проектов инициативы «Один пояс, один путь». Также китайская литература переводится на русский язык (20–40 ед.), так как на русском языке говорят не только в России, но и в странах бывшего СССР. Значительное место отводится переводам на языки стран Юго-Восточной Азии (40–70 ед.) и Южной Азии (20–30 ед.), которые играют ключевую роль в реализации проекта «Морской Шелковый путь». Также осуществляется перевод китайской литературы на языки стран Европы (60–80 ед.), которые остаются в числе главных торгово-экономических партнеров КНР.

В основном, в рамках проекта переводится литература по экономической, политической и бизнес-тематике, некоторую часть публикаций составляет художественная литература (10–15% от всего объема). Таким образом, продвижение китайской литературы за рубежом – это один из инструментов «мягкой» силы Китая, который является подспорьем для развития межкультурного диалога и осуществления политических и экономических интересов в рамках проекта «Один пояс, один путь».

В докладе выявлена взаимосвязь между принятием политических и экономических решений и количеством продвигаемых Китаем публикаций; определена тенденция зависимости количества литературы, продвигаемой в рамках проекта, от типа сотрудничества между Китаем и другим государством.

何 芳

中国首都师范大学, 北京;
圣彼得堡国立大学孔子学院

论中俄人文交流对两国关系的影响

近 30 年来, 在中俄元首的共同推动下, 两国的战略协作伙伴关系持续稳步发展并日益深化。在此伙伴关系框架下, 双方的人文交流与合作开展得有声有色, 取得了丰厚的成果, 已成为中俄全面战略协作伙伴关系的重要组成部分。人文交流与合作, 不仅夯实了中俄战略伙伴关系的社会与民众基础, 为两国关系发展带来全方位的效益, 而且为不同社会制度、不同意识形态大国之间文明对话, 彼此尊重, 共同发展做出了表率, 为推动构建人类命运共同体做出了不可替代的贡献。

一、中俄伙伴关系的发展及其特点

苏联解体后, 中俄两国签署《会谈纪要》, 解决了两国关系的继承问题, 实现了从中苏关系到中俄关系的平稳过渡。1992 年双方签署《关于中俄相互关系基础的联合声明》, 提出“相互视为友好国家”, “加强相互信任和理解, 保持各

个级别的经常性的政治对话”。1994 年两国领导人在《中俄联合声明》中宣布，将中俄关系提升为面向 21 世纪睦邻友好、互利合作的“建设性伙伴关系”。1996 年两国将双边关系提高到“面向 21 世纪的平等信任的战略协作伙伴关系”。2001 年签署的《中俄睦邻友好条约》，为两国关系的健康稳定发展奠定了牢固的法律基础。2012 年在双方签署的《中俄全面战略协作伙伴关系的联合声明》中，正式将两国关系提升至“加强平等信任、相互支持、共同繁荣、世代友好的中俄全面战略协作伙伴关系”。

纵观三十年来中俄伙伴关系的发展，具有如下鲜明特点：一是摒弃冷战思维，坚持“不对抗”原则，因此中俄全面战略协作伙伴关系具有明显的和平性。二是坚持平等互信、合作共赢理念，具有很大的包容性。三是强调“结伴而不结盟”，增加两国外交的回旋余地，具有高度的政策灵活性。四是坚持“不针对第三方”的原则，致力于打造国际合作网络，构建人类命运共同体具有很强的示范性。

二、中俄人文交流与合作异彩纷呈

“国之交在于民相亲，民相亲在于心相通。”中俄战略协作伙伴关系的确立和不断升级，中俄人文交流与合作开展得有声有色，已成为中俄全面战略协作伙伴关系的重要组成部分，对于丰富中俄关系内涵、夯实中俄关系的社会与民众基础、促进中俄关系不断向纵深发展，发挥了不可替代的重要作用。

1992 年中俄签署了《中华人民共和国政府和俄罗斯联邦政府文化合作协定》。这是第一份两国政府间关于人文合作的协定，内容涵盖科学、教育、文化、艺术、电影、出版、体育、青年、妇女、旅游、医疗保健等诸多领域，为两国开展人文交流提供了机制保障。

2000 年在中俄总理定期会晤机制框架内，成立了中俄教文卫体合作委员会。在其指导下，两国在人文领域开展了一系列广泛的合作。为了增强两国青年之间的交流，将 2004 年确定为中俄“青年友谊年”。2005 年双方互派艺术团体参加对

方举办的反法西斯战争胜利 60 周年庆祝活动。在中俄两国元首的推动下，“俄罗斯年”和“中国年”活动相继于 2006、2007 年在对方成功举办。

中俄两国互办“国家年”之后，双方人文交流的领域不断扩大，频率大大增加。中俄于 2012 年和 2013 年互办了“旅游年”。中俄媒体间的合作也为两国在人文领域的交流凝聚了新的力量。这些活动在两国民众中得到了热烈响应，为新时代中俄两国人文交流写上浓墨重彩的一笔。中俄在教育领域的合作更是可圈可点。自 2004 年中俄签署《中俄高等教育合作执行计划》以来，两国在高等教育领域的合作不断深化，互派留学生的规模和数量逐年扩大，合作办学机构和项目已有近百个。

三、中俄人文交流与合作的意义及影响

在中俄两国高度政治互信的基础上，双方人文交流与合作成果丰厚，不仅为中俄伙伴关系长期稳定发展带来持续的全方位效益，而且为国际社会做出了表率。

1、两国民众彼此的好感度稳步提升，大幅促进了民心相通。

2、两国经贸合作扎实推进，前景广阔。

3、为世界各国探索共享和平与发展之路提供了有益经验，对维护区域乃至世界和平具有重大意义。

结语

加强中俄关系是历史的召唤，是双方坚定不移的战略选择。密切人文交流与合作，是中俄全面战略协作伙伴关系的重要组成部分，将为两国关系稳定发展发挥更为积极的建设性作用。中俄双方将以落实两国元首共识为核心任务，以共同庆祝《中俄睦邻友好合作条约》签署 20 周年为契机，在更高起点、更大范围、更深层次上推进双方合作，为全球战略稳定打造中俄支柱。历史将证明，中俄携手共同应对人类面临的各種风险挑战，必将为推动全球治理体系变革、构建人类命运共同体做出新的更大贡献。

СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ И ГЕОПОЛИТИКИ В ЗОНЕ РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВЫ “ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ”»

И. В. Анисимова

Алтайский гос. ун-т, г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО ВЕКТОРА ТОРГОВЛИ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Русско-китайская торговля в Центральной Азии занимала важное место в двусторонних межгосударственных отношениях. В конце XIX в. в силу совокупности политических обстоятельств, экономическое взаимодействие в Синьцзяне приобрело новые контуры. Благодаря привилегиям, полученным по Петербургскому договору (право экстерриториальности, право беспошлинной торговли, преимущества при покупке земли, устройство складов и магазинов, консульская защита), российская торговые компании стали важным сегментом региональной экономики. В конце XIX столетия в Кульдже и Кашгаре начинают свою деятельность отделения Русско-китайского банка, появляются дочерние предприятия русских компаний. Крупнейшие торговые дома России принимали участие в развитии торговых коммуникаций в регионе. Однако, поступательное развитие торгово-экономических отношений двух стран встречало препятствие в лице бюрократического аппарата цинской администрации и сложностей политической ситуации в Синьцзяне. Уже в первое десятилетие XX в. позиции России в экономике Синьцзяна значительно сократились.

“一带一路”倡议在吉尔吉斯斯坦的地缘政治问题

“一带一路”成为 21 世纪联系亚非欧的政策、设施、资金、贸易、人心畅通的跨地区合作模式。中亚是欧亚大陆的关键枢纽和中国周边环境的重要组成部分，而与中国新疆接壤的吉尔吉斯处于中亚地区腹地，在中亚地缘政治格局中占有重要的地缘区位，但同时其复杂的国内政治局势、地缘政治环境以及变幻莫测的国际形势，使得“一带一路”在吉尔吉斯斯坦的建设过程中充斥着诸多风险和挑战。

中亚国家独立时间较短，国内外安全形势还不稳定，受到来自大国地缘政治博弈和西亚、南亚及地区“三股势力”膨胀等多重安全风险的挑战。这些安全风险威胁着中亚各国，但同时也间接威胁着中国西部边陲。中国与中亚国家在安全问题上有着共同的利益诉求，目前也达成了不少的合作协议。今后，中国将在“一带一路”和上海合作组织框架下与中亚国家进行更多更深层次的反恐安全协作，这也将推动双方外交关系长足发展。

Е. В. Савкович
Томский гос. ун-т

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ ПРИ УЧАСТИИ КНР В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОД

На современном этапе развития двусторонних и многосторонних отношений важнейшую роль играет транспортная составляющая, которая подверглась существенным отрицательным воздействиям в период появления и развития пандемии COVID-19. Для Китая в этой связи представляет особый интерес развитие как имеющихся, так и

вновь создаваемых транспортных сетей, в том числе на материке. Так, можно отметить важную роль стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), в первую очередь, в рамках строительства экономических коридоров. Часть проектов была запланирована еще до пандемии, поэтому они начали реализовываться несколько раньше, однако COVID-19 внес определенные коррективы как в последующее планирование, так и в осуществление конкретных мероприятий.

Так, одним из наиболее важных оказался транспортный коридор из Чунцина (КНР) через Лаос и далее до Сингапура [Ong, 2021]. Проект был жизненно необходим для Лаоса, оказавшегося запертым на материке, а также обеспечивал расширенный доступ к региональным рынкам для роста торговли. Проект появился в сентябре 2019 г. и был назван «Новым международным торговым сухопутно-морским коридором» [Chinese customs., 2019]. Предполагается, что появятся новые инструменты и направления развития сотрудничества также с Таиландом, Вьетнамом, Малайзией. Принципы сотрудничества в основном соответствуют принятому в формате АСЕАН «Ключевому плану развития коннективности АСЕАН 2025» [Master Plan., 2016], однако имеются и существенные различия, которые будут рассмотрены в нашем докладе.

Литература

Ong F. Time for fresh view of Singapore-China trade corridor opportunities // The Business Times. Jul 19, 2021. URL: <https://www.business-times.com.sg/global-enterprise/time-for-fresh-view-of-singapore-china-trade-corridor-opportunities> (дата обращения 10.10.2021).

Chinese customs team up to improve clearance services // ИА Xinhua, 14.10.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/14/c_1138470154.htm (дата обращения 10.10.2021).

Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2016. 115 p. // URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/8_compressed.pdf (дата обращения 10.10.2021).

СИНЬЦЗЯНСКИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОРПУС КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА *ТУНЬКЭНЬ*

Синьцзянский производственно-строительный корпус (далее СПСК) или *бинтуань* (兵团) генетически связан с *туньтянь* (屯田), которые уходят корнями в историю Древнего Китая. Основными характеристиками *тунтянь* были: военизированный характер; приграничное расположение; освоение целинных земель; ведущая роль государства в экономике, управлении, собственности на землю; особый контингент работников, которые лично зависят от государства (прежде всего, военные офицеры и солдаты, демобилизованные солдаты и бедные крестьяне); ставка на развитие крупного хозяйства. В начале XX в. термин *тунтянь* стал вытесняться названием *тунькэнь* (屯垦), который часто использовался в словосочетании *тунькэнь шубянь* (то есть «*тунькэнь* и охрана границ»).

Поселенческие и хозяйственные формы *тунтянь/тунькэнь* были разнообразными: *цзюнькэнь* (军垦) означало освоение земель военными, *фаньтунь* (犯屯) – ссыльными, отбывавшими наказание, *миньтунь* (民屯) – гражданскими лицами, *хуэйтунь* (回屯) – хуэйцами и (или) уйгурами, *цитунь* (旗屯) – частями восьмизнаменных войск.

Тунькэни не стали исключением и для коммунистического периода истории Китая. Одной из их современных форм стали *бинтуани*. Большую роль в их создании сыграли Мао Цзэдун и Ван Чжэнь, которые вынуждены были вводить специальные поля для создания крепких плацдармов в сельской местности и решения проблем поставок припасов. За долгие годы войны коммунисты в 30–40-е гг. XX в. смогли создать «идеальное» хозяйство, которое находилось в местечке Наньнивань (南泥湾). Именно это хозяйство стал прототипом СПСК. В хозяйстве Наньнивани культивировались идеалы коммунистического равенства, равного распределения доходов.

С точки зрения нашей работы, важно определить еще одно явление, известное как *нункэнь* (农垦). Эта идея была заимствована извне

и формировалась под влиянием достижений Советского Союза. *Нункэни* рассматривались в Китае как современные крупные *тунькэни*, в которых реализовалось демократическое и научное управление, внедрялись современные машины и технологии и развивались многоотраслевые предприятия на базе сельского хозяйства, промышленности и торговли. Основными хозяйственными единицами *нункэней* являлись госхозы (国营农场), которые строились на социалистической базе. Их организация была важной составляющей в экономической жизни КНР, о чем свидетельствует существование в разные периоды КНР Министерства *нункэней* или Министерства по освоению и развитию целины и залежных земель.

СПСК сформировался из отрядов НОАК и первоначально представлял собой военное хозяйство и военные поселения, но постепенно эволюционировал к гражданским формам *тунькэней*. Государство делегировало корпусу три важные публичные функции: производственную, административную и военную. Его правовой статус постоянно эволюционирует в зависимости от задач, которые стоят перед государством: от структуры с правами отдельной провинции до особого статуса в рамках Синьцзян-Уйгурского автономного района.

袁夕

新疆大学国际文化交流学院，乌鲁木齐

“一带一路”倡议发展区域的地缘政治问题 ——以中亚为例

“一带一路”倡议发展区域的地缘政治问题很复杂，本文就以中亚为例谈谈中亚地区的地缘政治问题。针对中亚的地缘政治问题，我们中国如何扭转不利形势，为维护地区安全与稳定作出自己的贡献。

一、存在的问题

（一）阿富汗问题

2021年8月，阿富汗塔利班在美国撤军的背景下，以令人惊愕的速度攻占了阿富汗的主要城市，并最终占领首都喀布尔，

控制阿富汗总统府。2021年9月7日，阿富汗塔利班宣布成立“阿富汗伊斯兰酋长国”。阿富汗再次走到历史的十字路口，中亚、南亚和中东的地缘政治环境同时发生重大变化。

阿富汗塔利班能否有效协调阿富汗国内各派别力量，不使阿富汗再次陷入混乱和内战的漩涡；能否做到在相互尊重的基础上与周边国家及世界各国发展稳定健康的关系，能否坚决打击境内恐怖组织，采用标本兼治方法予以彻底根除，防止踞守阿富汗的恐怖势力为祸四方，目前还是不确定的。

另外阿富汗塔利班宣布建立酋长国，这种制度模式可能在一定程度上恢复传统，并掺杂一些现代政治因素。塔利班的保守宗教意识形态虽然有所淡化和温和化，宣称在一定程度上保障妇女的权益，但仍然强调以伊斯兰教法治国。因此，宗教在社会文化、教育、女性地位等方面的复归不可避免。

（二）美国诋毁“一带一路”，极力渲染“中国威胁论”

美国领导人在访问中亚国家时，极力渲染“中国威胁论”，谴责中国侵犯人权，诋毁“一带一路”，对中亚国家发展与中国关系指手划脚。对中国，美国提出“印太战略”，试图通过组建美国、日本、印度、澳大利亚参与的“四国机制”对中国进行牵制围堵。

（三）美国对俄罗斯也充满敌意，希望在中亚排除俄罗斯的影响

美国决策者对俄罗斯认知充满威胁和偏见，为此不遗余力地在国际舞台上对俄罗斯进行打压。美国在中亚的战略充斥着零和思维，无视中亚国家与俄罗斯密切的历史联系，极力希望排除俄罗斯在中亚地区的影响。

（四）中亚国家政治生态脆弱

中亚五国自从苏联解体成为独立国家以来，政治发展一直处于发展变化当中，有的是政治制度作了适当调整，有的国家对外政策反反复复，有的国家发生“颜色革命”，政权更迭不断。同时西方国家输出民主，对中亚国家的政策指手画脚，试图改变中亚国家的发展方向。

“一带一路”构想的提出旨在通过多边和双边的合作关系，打造与“一带一路”沿线国家的良好关系，建立政治互信、经济融合、文化包容的利益、命运和责任共同体。

二、针对中亚的地缘政治问题，我们中国如何扭转不利形势，为维护地区安全与稳定作出自己的贡献。

（一）旗帜鲜明地亮明中国的观点，积极推动问题的解决

比如现在的阿富汗的问题，国家主席习近平 2021 年 9 月 17 日在

出席上海合作组织和集体安全条约组织成员国领导人阿富汗问题联合峰会时提出 3 点意见建议：第一，推动阿富汗局势尽快平稳过渡。第二，同阿富汗开展接触对话。第三，帮助阿富汗人民渡过难关

（二）发挥中国的比较优势

中国是中亚的邻国，中亚国家与中国也有紧密的现实利益。与中亚的吉尔吉斯斯坦和哈萨克斯坦，加强基础设施建设领域方面的合作。妥善解决边界问题。中国已与哈吉塔三国解决了边界问题，并通过双边关系与上海合作组织、“一带一路”倡议等机制或平台与中亚国家开展了有效合作。中国在与中亚国家交往时，始终恪守尊重他国主权、不干预他国内政等原则。自 2013 年“丝绸之路经济带”倡议提出以来，中国加大对中亚地区基础设施建设、民心相通等工程投入，与各国的贸易额也在持续增加。这些都是非常好的经验。

（三）我们在教学时要积极宣传国家的政策

2018 年教育部制定《来华留学生高等教育质量规范（试行）》明确要求“来华留学生应当熟悉中国历史、地理、社会、经济等中国国情和文化基本知识，了解中国政治制度和外交政策，理解中国社会主流价值管和公共道德观念，形成良好的法制观念和道德意识。”目前针对留学生的中国国情课程在教学内容选择上，没有体现中华优秀传统文化面貌，对于中国政治体制、经济发展、科技进步等方面的内容涉及的有点少。希望在以后的教学时多积极宣传中国国家的政策，特

别是独立自主、不干涉别国内政、永远不称霸、构建人类命运共同体等政。

В. Н. Пластун

Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

ПОЗИЦИИ КИТАЯ И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

1. Относительно внезапный уход войск США и НАТО из Афганистана, завершившийся 31 августа 2021 г., обозначил новую расстановку сил в Центрально-азиатском регионе и вызовы в борьбе с террористической угрозой в мире.

2. Китай традиционно занимает осторожную позицию при оценке будущего развития ситуации в Афганистане. Эмиссары «Движения талибан» еще до прихода к власти в Кабуле несколько раз проводили переговоры с представителями КНР, осознавая влияние Пекина на его «всепогодного союзника» – Пакистан, который до сих пор был и остается главным прибежищем для талибов и некоторых других экстремистских группировок.

3. Руководство Китая, несомненно, заинтересовано в стабилизации обстановки в Афганистане. Пекин рассчитывает на продолжение реализации проекта «Один пояс, один путь», учитывая его тесную связь с интересами государств Центрально-азиатского региона не только с точки зрения экономики, но и безопасности.

4. Сегодня еще нет полной ясности ни относительно состава правительства так называемого Исламского эмирата Афганистана, ни признания его легитимным со стороны международного сообщества. Поэтому говорить о перспективах взаимоотношений представляется преждевременным. Тем не менее, Россия, Китай и страны Центральной Азии намерены прилагать все усилия к тому, чтобы избежать обострения обстановки как в самом Афганистане, так и вокруг него.

КАТАРСКИЕ АМБИЦИИ НА НОВОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ: ОТ ГАЗА ДО ФУТБОЛА

Меры Китая по оформлению стратегического партнерства с Катаром основаны на общих экономических и стратегических интересах. Пекин рассматривает страну как важнейшее звено для продвижения проекта «Один пояс, один путь», а Доха надеется, что углубление сотрудничества позволит ей выйти из дипломатической и экономической изоляции со стороны сопредельных арабских государств. В Национальной концепции Катара до 2030 г. (QNV2030) существуют точки соприкосновения с китайскими планами. Как сказал министр иностранных дел КНР Ван И, эмират Катар должен принять участие в реализации планов Нового Шелкового пути, поскольку проект имеет общие возможности сотрудничества с QNV2030.

Оформление стратегического партнерства включает семь основных областей сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Это координация политики, торговля и инвестиции, энергетика, финансы, военные контакты, туризм и культура. Несмотря на разницу в достижении целей, страны сошлись в видении общих проблем экономического развития и безопасности. А реализация инициативы «Один пояс, один путь» придаст новый импульс преобразованиям в Дохе. Неслучайно Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что «Катар – важная страна, которая играет уникальную роль на Ближнем Востоке и в регионе Персидского залива и является основным партнером Китая в регионе».

Объем торговли между двумя странами растет гигантскими шагами. Китайские предприятия участвовали в строительстве нескольких стратегических объектов в Дохе, включая крупный контейнерный порт Хамад, являющийся частью концепции QNV2030. По сути дела, китайцы тем самым создали для себя важнейший опорный пункт в регионе. Кроме того, Китай принимает активное участие в инфраструктуре и строительства главного стадиона «Лусаил» к Чемпионату мира по футболу 2022 г.

Центральная тема отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» – энергетика. Уже сегодня Доха является вторым по величине поставщиком СПГ в КНР. «Катар, – заявил его посол в Пекине, – демонстрирует постоянную готовность удовлетворить потребности Китая в газе, даже сверх того, что согласовано». Иными словами, стратегическое значение Катара и региона для пекинского проекта «Один пояс, один путь», ориентированного на инфраструктуру и энергетику, очевидно. В свою очередь, эмират явно рассчитывает усилить свои позиции – разумеется, не только в сфере футбола, но и в военно-политических претензиях на роль региональной державы.

Цай Ин

Благовещенский гос. пед. ун-т

РОЛЬ АМУРСКОГО РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1980-Е ГОДЫ

Период 1980-х гг. стал особым этапом в истории российско-китайских отношений. Ранее две страны пережили 20-летний этап «охлаждения отношений», а с начала 1980-х гг. советско-китайские отношения постепенно улучшались.

Такая ситуация открыла новый этап в развитии Амурского речного пароходства. В апреле 1982 г. СССР и КНР заключили соглашение о возобновлении приграничной торговли. Амурское речное пароходство и пароходство провинции Хэйлунцзян вновь начали осуществлять перевозки по речным международным маршрутам, последовательно с использованием судов «река-море» Амурского пароходства. Объемы и динамика торговли между СССР и КНР за десятилетие 1980-х гг. имели тенденцию к нарастанию с небольшими колебаниями.

В структуре управления пароходством произошли соответствующие изменения, обусловленные политикой двух стран и потребностями рынка. В 1980-е гг. проблема обеспечения населения продуктами питания и самыми необходимыми предметами для жизнедеятельности стояла наиболее остро. Развивалась бартерная торговля с северо-восточными провинциями КНР. В этих условиях возросло

значение речных международных перевозок и речного транспорта в целом. Становилась все более очевидной необходимость переориентации региона на внешний рынок и открытия его экономики. Государственная граница СССР с Китаем утратила свою разделительную, барьерную функцию.

Используя материалы на русском и китайском языках, автор рассматривает процесс возобновления приграничных связей между СССР и Китаем на Дальнем Востоке в период потепления отношений между странами, освещает особенности функционирования речного флота на Амуре. Это способствует реализации главной цели настоящего исследования – всестороннему анализу роли Амурского речного транспорта в российско-китайском взаимодействии в период потепления советско-китайских отношений в 1980-е гг.

Янь Мэйвэй

Благовещенский гос. пед. ун-т

ГУМАНИТАРНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ПРИГРАНИЧНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ РОССИИ И КИТАЯ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

С образованием в 1949 г. Китайской Народной Республики в истории отношений России и Китая началась новая страница, в т. ч. и в гуманитарной сфере. За период с 1949 по 1960 г. в КНР было командировано более 8,5 тыс. высококвалифицированных советских технических специалистов и 1269 советских специалистов высшей школы и народного образования, трудившихся в органах просвещения и подготовки кадров и в вузах КНР. Были установлены побратимские связи не только между Москвой и Пекином. Приморский и Хабаровский края, Читинская, Амурская и Сахалинская области также установили тесные связи с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР и северо-восточными провинциями.

Стороны обменивались визитами инженерно-технических работников с целью обмена опытом в пищевом и цементном производстве, машиностроении, горнорудном деле, развитии рыбного хозяйства. Жители Благовещенска и Хэйхэ отмечали совместными мероприяти-

ями годовщины образования КНР, Октябрьской революции, подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом и т. д. Визитами обменивались представители властных органов и партийные кадры, редакторы газет, молодежь. Были и знаковые события, до сих пор сохранившиеся в памяти русского и китайского порубежного населения: новогодняя елка на льду посредине Амура между Благовещенском и Хэйхэ, российско-китайские хоккейные матчи в Хэйхэ и Благовещенске. 15 августа 1949 г. было создано Хэйхэское отделение Общества китайско-советской дружбы. Тесные связи с китайским порубежным населением поддерживали советские пограничники, амурские речники, летчики.

С ухудшением советско-китайских отношений в 1960 г. обозначилась тенденция к сокращению гуманитарных контактов, которые возобновились только с потеплением отношений между двумя странами ближе к середине 1980-х гг.

О. В. Залеская

Благовещенский гос. пед. ун-т

МЕХАНИЗМЫ ВАЛЮТНЫХ ПЕРЕВОДОВ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Тесное российско-китайское взаимодействие на Дальнем Востоке начинается после разграничения территорий в Приамурье и Приморье, с заселением дальневосточных территорий. Здесь встречаются российский и китайский колонизационные векторы, формируются миграционные потоки из Китая на российский Дальний Восток и, соответственно, в китайскую Маньчжурию.

В процессе освоения территорий и развития здесь промышленности, торговли, строительства началось движение капиталов через российско-китайскую границу. Вследствие ее исключительной протяженности факты пересечения границы контролировались слабо, деньги переправлялись напрямую и в отсутствие контроля со стороны властных органов. Проблема утечки денежной массы стала для них одним из сложных вопросов. Стремясь перевезти на родину заработанные в России деньги, китайские коммерсанты организовали

в ряде дальневосточных городов нелегальные конторы по обмену валюты для дальнейшего сбыта за границей. У китайских торговцев существовал отлаженный канал для отправки денег на родину, притом что в период советизации Дальнего Востока местными властными органами предпринимались неоднократные попытки поставить вывоз денежной массы под контроль государства.

После открытия дальневосточных границ в конце 1980-х гг., на российском Дальнем Востоке вновь появляются китайские предприниматели, которые в процессе своих финансовых операций и бизнес-сделок нуждались в трансграничных механизмах передачи валюты. Несмотря на неоднократно поднимавшийся вопрос о необходимости развития трансграничного банковского сотрудничества между Россией и Китаем, унифицированной системы так и не было создано. Это обусловило возникновение и функционирование ряда нелегальных форм валютного обращения, успешно использовавшихся китайскими мигрантами. Валютный обмен всецело стал элементом сектора нелегальной («теневой») экономики дальневосточного приграничья, а его неурегулированность и сохранявшаяся примитивность – одним из серьезных препятствий привлечения китайских инвесторов на российский Дальний Восток.

Е. В. Гамерман

*Ин-т комплексного анализа регион. проблем
ДВО РАН, г. Биробиджан*

КИТАЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Феномен глобализации, который стал трендом в последние 30 лет, не является чем-то исключительно новым. Само понятие использовалось еще Карлом Марксом в его переписке с Фридрихом Энгельсом, для обозначения подключения к мировой торговле Японии и западного побережья США.

Начало современных глобализационных процессов можно отнести к концу 1980-х – началу 1990-х гг. Ключевыми стали падение

Берлинской стены и железного занавеса в 1989 г. и заключение Мaaстрихтского договора 1992 г., фактически положившего начала Европейскому союзу.

Существует огромное количество определений понятия глобализация. Однако их все объединяет «взаимозависимость» государств и обществ, которая, в свою очередь, подразумевает два явления – взаимосвязанность и взаимоуязвимость.

В современном представлении очень часто понятие глобализация отождествляется с вестернизацией. И это не случайно. Современные глобальные процессы пришли с Запада, и именно западные стандарты и ценности стали эталоном для универсальности в различных сферах. Однако отождествлять эти понятия, все же, не стоит. Далеко не все, что приходит с Запада встречает понимание и принятие в странах Востока. А в последние годы наметилась тенденция противоположная – становятся глобальными тренды, пришедшие с Востока.

Кроме того, страны незападные стараются предложить собственную повестку, свою картину мира и систему ценностей, которые стали бы альтернативой миру по-американски.

Одна из таких попыток – китайская инициатива «Один пояс, один путь». Официально причиной для появления новой инициативы стал затянувшийся мировой финансово-экономический кризис и стремление Китая преодолеть его последствия. Суть ее заключается в создании новой модели международного сотрудничества на основе двухстороннего и многостороннего взаимодействия, нос непременно китайским участием.

Таким образом, инициатива «Один пояс один путь» является попыткой Китая переформатировать международные отношения и стать одним из лидеров современной мир-системы.

中国与“一带一路”沿线国家贸易合作的第三国 效应研究：基于资源禀赋和技术创新的双重视角

实现贸易畅通、加强贸易合作是“一带一路”建设的重点内容之一。自2013年我国提出“一带一路”倡议以来，我国与沿线国家的贸易合作水平不断提升。据商务部统计显示，2014—2019年间，中国与沿线国家贸易累计超过44万亿元。其中，2019年贸易合作额达到9.27万亿元，高出我国整体外贸增速7.4个百分点，占我国对外贸易总额的比重上升至近30%，已经成为沿线25个国家的最大贸易伙伴国，尤其在面临中美贸易摩擦和新冠疫情的双重冲击下，我国与沿线国家贸易合作仍然实现稳定增长，成为新时代我国对外贸易合作的新亮点，也是我国构建国际国内双循环新发展格局的重要引擎⁴。随着“一带一路”的深入推进，“一带一路”朋友圈不断扩大，已有140个国家和31个国际组织签署了合作文件⁵，越来越多的经济体积极响应参与建设，正如习近平总书记提出的“一带一路”虽由中国提出，但由世界共享。当前，“一带一路”不仅是中国与沿线国家合作的重要平台，也为众多成员国合作发展带来诸多机遇。随着沿线国家合作日趋紧密，如何进一步推动各国实现联动发展，共享发展红利至关重要。在我国新一轮高水平对外开放的新时期，进一步挖掘中国与沿线国家贸易合作的新增长点，对促进高质量建设“一带一路”具有重要意义。

本研究从空间视角出发，将空间外部性纳入引力模型，以“一带一路”沿线60个国家为样本，通过构建邻接矩阵、贸易距离矩阵和经济地理矩阵，从自然资源禀赋和技术创新两个

⁴以上数据资料均来自于中华人民共和国商务部。

⁵数据来源于一带一路网。URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/77073.htm>

维度检验 2000—2019 年间中国与“一带一路”沿线国家贸易合作的第三国效应及其产品异质性。研究表明：中国与“一带一路”沿线国家贸易合作存在显著的空间依赖性；中国与沿线国家贸易合作往来不仅受到东道国自身资源禀赋和技术创新水平的影响，也会受到第三国资源禀赋和技术创新水平，以及影响第三国资源禀赋和技术创新的不可观测因素的影响；进一步地，与第三国资源禀赋存在“竞次效应”，而技术创新存在“协同扩散效应”；异质性分析发现，资源禀赋和技术创新在不同类别贸易中的第三国效应是存在显著异质性。本文对中国与“一带一路”国家贸易合作研究提供有益补充；为进一步挖掘中国与沿线国家贸易合作潜力，实现贸易畅通，推动贸易高质量发展，从而构建贸易利益共同体提供参考和借鉴。

基于以上研究结论，本文得到如下启示：第一、随着“一带一路”的深入推进，沿线国家的相互依赖作用明显增强，继续加强深入推进贸易畅通建设，加快促进诸如 RCEP 等双多边区域合作机制落地生效，坚持共商共建共享发展原则，筑牢贸易利益共同体和人类命运共同体；第二、各国充分发挥自然资源禀赋比较优势，积极主动参与全球价值分工协作体系，同时推动建设区域生产链、价值链，加强贸易合作的稳定性和安全性；第三、加快落实第二届“一带一路”国际合作高峰论坛提出的建立“一带一路”创新发展中心，搭建技术人员和科技人员合作平台、鼓励创新人才跨国交流合作，共同攻克前沿技术，打造技术命运共同体，有利于进一步推动中国与“一带一路”沿线国家的贸易高质量发展。

ПРАВО В СТРАНАХ «ОДНОГО ПОЯСА И ОДНОГО ПУТИ»: ПРАВОСУДИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КНР И РФ

В данной статье анализируется эволюция и текущее состояние системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае и России, выступающих в качестве лидирующих стран в зоне развития инициативы «Один пояс, один путь»; проводится сравнительное исследование системы правосудия в отношении несовершеннолетних в двух странах с точки зрения законодательства, судопроизводства и исполнительного производства; предлагаются пути совершенствования системы правосудия в отношении несовершеннолетних.

Сравнительное исследование показывает, что Китай и Россия могут улучшить систему ювенальной юстиции в следующих аспектах. Во-первых, система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть усовершенствована на уровне законодательства, например, в УК КНР необходимо добавить специальную главу об уголовной ответственности и наказаниях несовершеннолетних. Во-вторых, полиция, прокуратура, суды и органы исполнения наказаний должны усовершенствовать соответствующие учреждения правосудия в отношении несовершеннолетних и сформировать взаимодополняющую систему правосудия. В-третьих, необходимо усилить комплексное образование полицейских, прокуроров и судей по делам несовершеннолетних и повысить их профессионализм. В-четвертых, рекомендуется создать совместную сеть по ювенальной юстиции для интеграции национальных и межнациональных ресурсов, устранения географического неравенства и предоставления равных возможностей и поддержки несовершеннолетних.

Несовершеннолетние – будущее страны, поэтому создание хорошей семейной, школьной и социальной среды для них и обеспечение их здорового и счастливого роста является общей заботой всего общества. Необходимо исследовать положительный опыт обеих стран и совершенствовать систему правосудия в отношении несовершеннолетних для эффективной защиты законных прав и интересов несовершеннолетних.

СЕКЦИЯ «ИЗУЧЕНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО/РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ, РОССИИ, СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ»

В. Н. Платонов

*СОШ № 112 г. Новосибирска,
Новосиб. гос. ун-т*

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ на примере работы центра изучения китайского языка и культуры школы № 112 города Новосибирска

Реализация международных образовательных проектов неразрывно связаны и определяются государственными геэкономическими и геополитическими интересами Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

На базе среднеобразовательной школы № 112 в течение 11 лет действует международный центр изучения китайского языка и культуры при методической поддержке научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» Гуманитарного института НГУ (ранее – Класа Конфуция, Центра языка и культуры Китая).

Школа № 112 является членом Ассоциации довузовских образовательных учреждений России и Китая (ARSMC), цель которой состоит в содействии развитию международного образования среди передовых школ России и Китая.

В настоящее время в школе изучают китайский язык более 300 учеников с первого по одиннадцатый классы, обучение ведут три педагога. Кроме изучения китайского языка, школьники знакомятся с культурой Китая. На базе международного центра изучения китайского языка и культуры ежегодно проходят мероприятия, посвященные Китаю: конкурсы каллиграфии, эссе, произношения, фотографии; выставки и гастрольные выступления художественных коллективов из Поднебесной, конференции учителей китайского языка, студентов-китаистов и регионоведов. Традиционно в школе проводятся празднование Всемирного дня институтов Конфуция, празднование китайского Нового

года, открытые уроки и мастер-классы по вырезке из бумаги *цзяньчжи*, каллиграфии, ушу, чайной церемонии, китайской кулинарии. Ежегодно педагоги и учащиеся школы № 112 проходили лингвистические стажировки на базе Синьцзянского университета, Даляньского университета иностранных языков, Тяньцзиньского политехнического университета, Шанхайского педагогического университета.

В 2020 г. две ученицы школы № 112 стали победителями регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку, а одна из них вошла в число победителей финала олимпиады.

В 2021 г. две выпускницы школы поступили в Шанхайский педагогический университет, входящий в 30 передовых университетов КНР.

黄冬梅

新疆大学国际文化交流学院，乌鲁木齐

多模态视域下国际中文教育视频资源库 建构设想与实践

在后方法时代、融媒时代，从多模态视角看待和分析国际中文教学资源，尤其是课程配套教学资源，教学资源建设有诸多可能性。本文在总结前人理论及实践的基础上，通过调查学生相关数据和信息，分析视频资源在对外汉语课程的教学现状，了解学生学习动机及需求，初步达成视频资源库建构设想。拟建与话题、知识点结合的视频资源库。考虑到教学实践现实性，尝试进行应用视频资源库的综合汉语课程短期实践。在此基础上，分析多模态视域下视频资源库教学实践的“便”与“不便”，并尝试提出教学策略。

翻译技术与俄语翻译硕士培养

人工智能时代来临，智能翻译技术在语言服务行业得到快速普及和广泛应用，语言服务行业的人才结构和翻译教育格局发生重大变革，社会对翻译人才的翻译技术能力要求日益提高，加强翻译技术教育已是大势所趋。

从 2007 年⁶至今，翻译硕士（简称 MTI）教育经历十多年的快速发展，已经初具规模，全国 MTI 学位点增加到 310 个。MTI 专业形成较为稳定的培养模式和体系。翻译技术在时代的要求下，经成为翻译硕士培养的核心素养和技能，并将翻译技术纳入 MTI 培养和翻译专业教育体系当中[王华树等，2018;2021]。

新疆大学外国语学院是全疆最早的外国语言文学专业学位点。从 2011 年起开始招收翻译硕士（英语笔译方向），从 2012 年开始招收俄语口译方向研究生，2013 年增设俄语笔译方向，总计为社会输送翻译人将近十年，毕业生遍布疆内各个行业领域，为新疆经济社会发展作出了应用的贡献。通过调研我们发现，从全国范围来看，在俄语专业的翻译硕士培养体系中，尚因种种原因未能全面系统的开展翻译技术的技能教学培训。

翻译技术指翻译行业所使用的信息技术和电子翻译工具[于红、张政，2013]。翻译技术是职业化翻译必须具备的知识，MTI 课程设置应注重实践性，加强与交叉学科的结合，使语言与技能有机结合。我校当前的培养方案中设有“口、笔译理论与实践”“翻译概论”“应用翻译”“翻译工作坊”等众多翻译理论课程，但是翻译技术模块如何有机融入到 MTI 专业课程设置还有待讨论。

⁶ 参考中国国务院学位委员会发布的《翻译硕士专业学位设置方案》http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_833/200703/t20070330_82704.html

目前我国高校的翻译技术教育存在诸多亟须解决的问题[王华树等, 2018]。大部分高校对翻译技术教学重视不足[穆雷, 2017, 高校对翻译技术实验室的投入经费不足, 半数高校未建立翻译技术实验室, 专业翻译技术教师极度欠缺, 有相当一部分翻译技术教师是校外兼职人员, 可供教师参加技术培训的机会欠缺, 教师参与企业技术实践的机会不多等现象, 都反映出对翻译技术教学重视不够[王华树、李德凤、李丽青, 2018]。

新的时代带来新的机遇和挑战, 面对翻译行业、职业和学科的变化, 翻译教育必须适时而动, 积极应对[谭业升, 2017]。

本项目旨在分析俄语翻译硕士培养过程中翻译教学中存在的问题, 建立 MTI 实践性、交叉学性强的翻译技术课程体系, 使语言与技能有机结合; 探索以计算机辅助翻译为平台、以过程为取向的工作坊翻译教学模式, 促进应用型翻译人才的职业化教育及培养。主要任务是完善、优化当前俄语 MTI 课程大纲和培养方案; 建立俄语专业 MTI 翻译技术教学师资队伍; 对接企业促进职业化人才的培养实践教学环节, 提升学生在实践中翻译技术运用能力。引入翻译能力考核与测评机制, 注重翻译能力测评的合理比例。利用翻译技术参与翻译项目的实践, 提升学生的翻译能力, 提升俄语 MTI 人才的创新能力和翻译实践报告的写作质量。

参考书目

穆雷。中国翻译人才现状及需求调研报告。北京: 外文出版社, 2017。

谭业升。新时期特色翻译教育的探索: 理论、模式与问题——记第二届《外国语》翻译研究高层论坛暨全国“特色翻译教育探索”学术研讨会 // 外国语。2017, 第 3 期。

王华树、李德凤、李丽青。翻译专业硕士(MTI)翻译技术教学研究: 问题与对策 // 外语电化教学。2018, 第 3 期。76-82、94 页。

王华树、李莹。新时代我国翻译技术教学研究: 问题与对策——基于《翻译专业本科教学指南》的思考 // 外语界。2021, 第 3 期。

13-21 页。

于红、张政。项目化教学：理论与实践——MTI 的 CAT 课程建设探索 // 中国翻译。2013，第 34(3)期。44-48 页。

Н. В. Селезнева

Новосиб. гос. технич. ун-т

УСТНЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ

В рамках реализации ФГОС и в соответствии с требованиями к результатам освоения программы бакалавриата по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение» студенты, изучающие китайский язык в качестве языка региона специализации, должны обладать такой общепрофессиональной компетенцией, как способность владеть базовыми навыками чтения и аудирования текстов общественно-политической направленности. Данное требование ФГОС обусловило включение в программу государственной итоговой аттестации устного последовательного перевода. Появление нового задания поставило перед преподавателями ряд важных методических и дидактических вопросов.

Как показали практические занятия, выполнение устного последовательного перевода представляет для студентов-регионоведов, изучающих китайский язык, существенные трудности. Как отмечал И. В. Кочергин [2006. С. 72], «учебные программы вузов зачастую не развивают и не конкретизируют требования Образовательного стандарта, а весьма обобщенно и расплывчато излагают цели и содержание обучения», да и сам Образовательный стандарт составлен в отрыве от реальной ситуации обучения, в частности бакалавров-регионоведов, и предъявляет к выпускникам несоразмерные учебной нагрузке требования по уровню владения китайским языком. Ведь зарубежное регионоведение является неязыковым направлением подготовки, а количество часов на изучение языка региона специализации (в сравнении с языковыми и переводческими направлениями), заложенных в программе обучения, не позволяет качественно подготовить студентов к осуществлению устного последовательного перевода даже на старших курсах обучения, поскольку данный вид перевода

является одним из самых сложных видов речемыслительной деятельности.

Литература

Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. 190 с.

赵 奕

新疆大学外国语学院，乌鲁木齐

连听说结合的俄语基础听力教学探索

言语活动分为四种基本形式，即听、说、读、写。听说是一切言语活动的基础，也是言语技能训练中最难提高的部分。听说训练好了，有利于读写能力的培养，因此在外语教学中我们应把听说教学放在首位。俄语听说能力的培养在俄语教学、俄语实践中占有重要地位。

俄语基础听力作为俄语专业的一门重要基础课程，目的是帮助基础阶段的学生进行专门的听力技能训练，有计划的提高学生的听力理解能力。

传统的听力教学主要以听为主，目标导向偏重于让学生做题。课堂教学通常先让学生听 3-5 分钟的录音，然后学生回答几个与录音内容有关的问题（选择题为主），教师校对答案，随后再给学生播放音频 1-2 遍。这种方式使得学生习惯逐字逐句的听，将听到的内容翻译成母语，进而再进行后续理解。这样，学生难以记忆较长的内容，听力效果不佳。原因在于学生上课前并没有因信息缺乏而感到有主动参与教学活动的需要，在听的过程中他们也缺少获取信息的动机，学生从上课开始就处于被动状态。要上好听力课，很有必要改变学生的被动状态，使其获得交际体验。

在日常交际中，听和说是结合在一起的。俄语教学的最终目的是培养学生的交际能力，交际能力体现的是听和说结合的综合能力，而不能只取其一。听的过程是输入，而说的过程是

输出,听力与口语能力的培养有相似之处,如果没有大量的语料和表达方式的积累,就无从谈及表达,所以听和说必须同步训练。这有助于帮助学生克服心理障碍,改变边听边译、逐字逐句将所听内容进行母语翻译的听力学习习惯,训练学生听完材料后转述或复述全文大意或某一情节,锻炼抓取主要信息及发展长短期记忆的能力。

教师在放音之前,可以先把音频材料的背景内容及生单词讲给学生,引导学生以语篇为基础获取信息。也可以让学生对听力题扫视一遍,大致了解其内容,因为选择项是信息来源,可根据选择项的内容对下文进行预测,在听的过程中把注意力集中在与问题有关的必要信息上,做到带着问题去听音频材料,扫视和预测对听力理解很有帮助,可以使提高学生理解的准确性。

另外,可加入口头复述环节,让学生利用在听力理解过程中将重建的信息组织一篇俄语短文,并以口头的形式表达出来。这是一种交际行为,符合俄语教学的交际法原则,对同篇录音材料作不同角度的理解,必然会产生不同的信息框架。这种在真正理解了原文的基础上得出的框架能够使学生产生成就感。正是这种成就感使学生具备了内在动机,想让别人知道他听懂了多少而且有着与众不同的理解角度,并及时了解和帮助学生解决表达上的困难,如果学生在口头表达时出现困难,教师利用问答的方式,帮助学生继续谈下去。经过师生之间的一问一答后,学生就可以把问答时所用的句子连在一起,形成一篇连贯的话语。由于学生没有看过录音的文字材料,在口头表达时就不会照搬原文的句子,而只能运用已掌握的语言知识,这使表达更加自然。

实践证明,原先学生不善于用俄语直接思维,理解速度大大落后于说的速度,听了头几句,后边的跟不上,不善于连贯思维,难以记忆的情况有所改善,学生在平时学习中逐渐养成以语篇为基础获取信息的技能,不再总孤立地听取单个的和词单个的句子。采用听说结合的教学方式进行俄语基础听力课程教学工作以来,我不断探索,发现听说结合的方式会牢牢抓住学

生的注意力，经过学生反馈，受到他们对此教法的支持。学生的听记速度大大加快，捕捉信息能力有所增强，反应速度加快了，回答问题的信息越来越全面。这不仅解决了听力课时少的问题，而且因为课堂每个教学环节环环相扣，且教师一听一说的要求使学生无法停止听和说的步伐。每节听力课堂教学中每位学生平均至少 2 次需短时开口（一听一答 / 一问一答），班级 1/3 学生需要长时开口(转述等)。

总之，要鼓励学生大胆运用俄语，这就要求学生在学习语言的过程中，必须有足够的语言输入，没有听和读的输入就没有说和写的输出，输入是输出的基础。教师要在有限的课堂教学中，努力创设条件让学生多听、多说、多读。通过“说”来检查学生的“听”，通过“说”来检验学生吸收消化听取材料内容的量和准确度。

Чжао И

Ин-т иностр. языков Синьцзянского ун-та, г. Урумчи

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (ОТ АУДИРОВАНИЯ К ГОВОРЕНИЮ)

Развитие навыков аудирования и говорения по-русски занимает ключевое место в обучении русскому языку и в практике русского языка, так как эти навыки являются основой всей речевой деятельности, при этом обучение им наиболее сложно. «Базовое аудирование русского языка» – важный базовый курс для специальности «русский язык и литература».

В практике речи слушание и говорение сочетаются. Конечная цель обучения русскому языку – развитие коммуникативной компетенции студентов, которая включает обе способности – слушания (ввод) и говорения (вывод). Для развития говорения требуется владение нормативной фонетикой, богатым лексическим запасом, грамматическими конструкциями и т. п., источником чего служит усвоение звучащей речи. Поэтому следует одновременно развивать оба навыка.

Традиционное обучение аудированию включает прослушивание большого количества текстов с целью найти ответы на поставленные к ним вопросы. На аудиторных занятиях обучающиеся прослушают аудиозаписи в течение 3–5 минут, затем отвечают на несколько вопросов по их содержанию, выбирая верный ответ из предложенных. Затем преподаватель проверяет ответы и повторно включает запись. При длинных текстах восприятие информации обучающимися заметно ослабляется, эффект прослушивания снижается.

Перед включения аудиозаписи учитель может познакомить учеников с фоновым содержанием текста, объяснить новые для них слова и наметить ориентиры для извлечения нужной для ответов на вопросы информации. Кроме того, следует акцентировать важность определения ключевых слов в процессе слушания, которые помогут выявить искомую информацию.

Кроме того, полезны задания на устный пересказ услышанного. Осознание своей способности связно изложить услышанное мотивирует обучающихся, так как доказывает их истинное понимание исходного текста и активное усвоение материала. Чтобы помочь выстроить пересказ, преподаватель задает студенту вопросы.

Практика доказала, что использование комбинированных методов обучения аудированию и разговорной речи для базовых курсов русского языка значительно ускоряет формирование речевых навыков, обучающиеся учатся выделять и фиксировать ключевую информацию, приближаясь к полному пониманию звучащей иноязычной речи.

Чтобы побудить учащихся смело использовать русский язык в устной и письменной формах, необходимо обеспечить освоение ими достаточного количества языковых входных данных, воспринимаемых из звучащей речи и читаемых текстов, ввод – это основа вывода.

КОМПЛИМЕНТАРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

При обучении китайскому языку как иностранному преподаватель сталкивается с проблемой мотивации студентов, выбравших китайский язык как сопутствующий дисциплинам экономического направления. Данная проблема происходит, с одной стороны, из самой трудности и типологической особенности китайского языка, а, с другой стороны, от неготовности студента «начинать с нуля». Обучающийся оказывается психологически не готов к медленному продвижению в освоении китайской грамоты. Ведь все остальные предметы образовательной программы так или иначе имеют видимую и ощущаемую связь с изученным ранее в школе. Возникает дисбаланс соотношения ожидаемого и достигнутого, несоответствие результата (полученного объема информации, знаний и умений) и сделанного вклада (затраченного времени и приложенных усилий).

Одним из способов решения обозначенной проблемы может стать формирование оптимистичного настроения, так называемый комплиментарный подход: усиление положительного восприятия происходящего при освоении китайского языка. Когда преподаватель, во-первых, старается хвалить студентов даже за, казалось бы, незначительный успех: верно написанный иероглиф, точно произнесенный тон. Во-вторых, использует для этого различные способы: вербальный или невербальный, включающий не только внешнюю доброжелательность, но и умение преподавателя показать рост студента от одного занятия к другому, например: последовательное убывание ошибок в фонетическом диктанте, или увеличение количества освоенных иероглифов. В-третьих, преподаватель старается избегать отрицательных суждений и оценок учебных действий обучающихся.

Комплиментарный подход, как мы его понимаем, это способ создать положительную мотивацию у студентов, в данном случае, изучающих китайский язык в неязыковом вузе. Основными приемами данного подхода выступают вербальные и невербальные символы с положительной коннотацией, усиленные количественным анализом

освоенного материала, демонстрирующего обучающемуся его продвижение вперед.

О. В. Дубкова

Сианьский ун-т иностр. языков

ОБЪЕКТЫ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ: ПРОБЛЕМЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время в КНР насчитывается 56 объектов Всемирного наследия (ОВН). В переводе их названий на русский язык возникает ряд трудностей и противоречий. Во-первых, следует отметить общие проблемы: 1) отсутствие единых стандартов перевода названий ОВН; 2) наличие вариантов перевода названий на официальных сайтах ЮНЕСКО и других организаций; 3) использование различных вариантов перевода туристическими агентствами в русскоязычном регионе и для русскоязычного региона. Во-вторых, усложняет задачу нахождение ряда объектов на территории нескольких стран или на территории компактного проживания национальных меньшинств; при этом название объекта на китайском может быть переводом или транслитерацией с языка национальных меньшинств; нередко случаи несоответствия названия ОВН на китайском и английском языках и т. п., что вызывает проблемы выбора варианта перевода с китайского и (или) других языков. В-третьих, трудности перевода имеют и лингвистические причины: наличие в названии узкоспециальной терминологической лексики, топонимов, антропонимов и др.

В результате исследования установлено, что наибольшее число вариантов перевода в русском языке имеют следующие объекты: 秦始皇陵及兵马俑坑, 北京颐和园, 峨眉山—乐山大佛, 承德避暑山庄及周围寺庙, 皖南古村落: 西递、宏村, 都江堰—青城山, 高句丽王城、王陵及贵族墓葬, 登封“天地之中”历史建筑群 и др. Минимальное количество вариантов перевода – 长城, 中国“大运河”, 良渚古城, 平遥古城, 丽江古城, 梵净山, 五台山, 武夷山 и др.

Варианты перевода наименований типа 杭州西湖, 黄山, 泰山, 五台山, 鼓浪屿, 九寨沟风景名胜区, 泉州 и др. связаны с проблемой использования в переводе «родового слова» (*озеро, гора, остров, долина, город*). В русских переводах наименований ОВН 元上都遗址, 中国土司遗址, 良渚古城, 云冈石窟, 花山岩石, 大足石刻, 明清皇家陵寝 возникают трудности с интерпретацией роли и функции объекта в истории Китая, в силу этого возникают следующие варианты: *руины – развалины – останки – древний город – старинное поселение – археологический памятник, пещеры – гроты – скалы, наскальные рисунки (надписи) – петроглифы, мавзолей – гробница – захоронение – яма* и т. д. Существуют также проблемы с порядком слов, например: 中国丹霞 – *Китайский рельеф данься; Данься, Китай*; формами числа: 武夷山 – *гора и горы Уишань* и другими грамматическими несоответствиями. Все это, в целом, вызывает трудности с эквивалентностью перевода названий ОВН в Китае.

В силу вышесказанного необходимо кодифицировать именования ОВН в русском языковом поле, выбрав из существующих вариантов тот, который наиболее полно отражает особенности объекта и обладает свойством «узнаваемости» для носителей разных языков и культур⁷.

М. А. Куратченко

*Сибирский ин-т управления – Филиал РАНХиГС,
Новосиб. гос. ун-т экономики и управления*

ТРЕБОВАНИЯ К ВУЗОВСКИМ УЧЕБНИКАМ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В КНР

В 2018 г. в КНР был принят Национальный стандарт качества профессионального обучения студентов в высших учебных заведениях (普通高等学校本科专业类教学质量国家标准), в котором определя-

⁷ Шагом к такой кодификации можно считать наши публикации на тему объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО на страницах «Большой Российской энциклопедии», а также в пособии «Достопримечательности Китая» (Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. Вып. 1). – *Прим. ред.*

ются принципы и направления построения профессионального образования исходя из целей образования, требований к построению курсов, условий осуществления образовательной деятельности, профессиональных требований к педагогам, требований к результатам образовательного процесса. Национальный стандарт требует твердых базовых навыков владения языком, подчеркивает необходимость формирования качественной социально-гуманитарной подготовки, развития критического мышления.

В КНР под влиянием инициативы «Один пояс – один путь» выросла потребность в специалистах, не только владеющих иностранным языком, но и способных к осуществлению эффективной деятельности на изучаемом языке. Долгое время именно практическая коммуникация была слабым местом в преподавании иностранных языков в Китае. Ввод нового Национального стандарта, изменение социальных, экономических и политических условий привели к изменению подходов, методик и требований к образовательному процессу, где приоритет отдается практикоориентированному образованию. С появлением нефилологических специальностей, где изучению иностранного языка отводится важное место (деловой иностранный язык, перевод), это требование возрастает. Также важным направлением развития учебных материалов в КНР является создание онлайн версий, приложений для смартфонов и т.д.

В этой связи представляется необходимым обратить внимание на учебники русского языка как иностранного, издающиеся в России и в Китае. Большой проблемой является практическое отсутствие учебников для изучающих русский язык не как филологическую специальность, а также кросскультурная, а не практическая ориентированность учебников.

Т. Г. Завьялова, Ю. А. Азаренко
Гум. ин-т Новосиб. гос. ун-та

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНИВАНИЯ РАЗРАБОТОК УЧЕБНИКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема получения учебно-методической разработкой по китайскому языку статуса «учебник» в российской высшей школе весьма

актуальна. По мнению авторов, для это необходим целый комплекс мероприятий: апробация в учебном процессе в рамках российского вуза, предоставление рецензий специалистов, имеющих не только теоретические знания по соответствующей дисциплине, в процессе преподавания которой будет использоваться будущий учебник, но и собственный опыт ее преподавания. Учитывая сравнительную узость круга лиц, обладающих соответствующей квалификацией и опытом, такое рецензирование следует делать «слепым», чтобы предотвратить возникновение немотивированных конфликтов личного плана между рецензентами и авторами.

Кроме того, создание учебника не должно являться самоцелью и быть призванным закрыть лакуну по дисциплине либо создать видимость выбора. Конечный продукт любого учебного процесса – специалист, обладающий соответствующими знаниями, умениями и навыками, востребованный на рынке труда и способный получить соответствующее вознаграждение за свои усилия. К учебнику предъявляются более строгие требования, чем к учебным пособиям или иной учебной литературе (хрестоматии для чтения, сборники упражнений и т.д.) Учебник должен выполнять роль дисциплинарной матрицы в учебном процессе как для студентов, так и преподавателей. Знания, навыки и умения, полученные в рамках освоения этой матрицы, должны сформировать определенную систему образцов речевого и мыслительного поведения, которая позволяет работать с языковой неопределенностью и хаосом. Для китайского языка, относительно которого в ФГОС разных специальностей бакалавриата имеются лишь самые общие требования, это особенно важно. Помимо учебника есть разные формы учебных пособий, которые могут быть промежуточным вариантом между еще «сырым» проектом учебника и его итоговой редакцией и вполне достаточны для того, чтобы заполнить потребность в материалах, приемлемых для использования в учебном процессе.

На основе опыта рецензирования одного из проектов учебника авторы доклада пришли к выводам универсального характера, независимо от того, готовится ли к изданию учебник для преподавания китайского языка в общем курсе или специализированном, на начальном или продвинутом уровне, как комплексной дисциплины или одного из аспектов речи.

Мы не будем останавливаться на таких элементарных, но крайне важных вещах, как четкое понимание авторами целей и задач дисциплины, которую обеспечивает учебник, руководство нормативными

документами и стандартами, соотношении с реальными условиями учебных планов дисциплин, владении терминологией российской лингвистики, педагогики, методологии, знании психологических особенностей усвоения информации и наработки языковых умений и навыков и т. п. Однако отдельно отметим, что оптимальное соотношение текстов и упражнений в хороших учебниках может составлять от 1:7 до 1:10, а объем текста в учебниках целесообразно, как показывает наша многолетняя практика преподавания, ограничивать 500–700 иероглифами.

Так как широко известных российских учебников китайского языка действительно хорошего качества не так много, как хотелось бы, а ориентиры (с учетом традиций российской школы) для авторов практически отсутствуют, то инструментами проверки готовности проекта учебника получить искомый статус могут быть следующие требования к авторскому коллективу: 1) предоставить образцы планов урока; 2) предложить схему работы по отдельному модулю, включая контрольные и оценочные мероприятия; 3) привести примеры выполненных обучающимися работ; 4) провести открытый урок.

Ван Личжун

Ульяновский гос. техн. ун-т

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Сопоставительная лингвистика как новая научная дисциплина привлекает к себе все больше и больше внимания. Что же касается методики преподавания иностранных языков, то обращение к родному языку для подчеркивания его сходств и различий с изучаемым языком — довольно часто встречающийся прием, то есть чаще всего сопоставительные исследования связываются с задачами преподавания иностранных языков. Поэтому некоторые лингвисты считали, что сопоставительная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка и каждый изучающий ино-

странный язык скоро обнаруживает, что родной язык мешает в определенных и предсказуемых случаях усвоению второго языка. В данной работе рассматривается подборка методических приемов, направленная на преодоление таких помех.

Н. В. Иноземцева, Н. Н. Йовкова
Оренбургский гос. ун-т

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Обучение китайскому языку требует особого внимания, поскольку имеется ряд особенностей, которые вызывают определенные трудности в преподавании.

Во-первых, русский и китайский языки принадлежат к разным языковым группам и семьям: поэтому в них используются разные языковые средства для выражения одинаковых смыслов.

Во-вторых, китайский язык является тональным, где тон, присущий каждому слогу имеет смысловоразличительную функцию.

В-третьих, общепринятой транскрипцией иероглифов является *пиньинь*. Произношение звуков в данной транскрипционной система и, например, в английском языке сильно отличаются, поэтому необходимо разбирать каждый звук в отдельности.

Еще один аспект, вызывающий определенные трудности в процессе обучения – иероглифическая письменность, что принципиально отличается от европейских систем письменности.

Таким образом, обучение китайскому языку как иностранному – это трудоемкий процесс, который включает в себя работу как педагога, так и обучающегося. Рассмотренные аспекты – иероглифику, тональность языка, произношение инициалей и финалей – мы считаем основными трудностями на начальном пути овладения китайским языком как иностранным.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Лексическая компетенция является основой при обучении иностранному языку. Более того, лексическая компетенция – это составная часть коммуникативной компетенции в целом, поэтому развитие лексических навыков играет важнейшую роль в изучении иностранного языка. Обучение русскому языку как иностранному в китайской аудитории разделяют в основном на два этапа: элементарный и продвинутый. В процессе освоения лексики во всех этапах обнаруживается немало особенностей и трудностей, среди которых мы выбрали самые типичные и главные ошибки в преподавании лексики русского языка.

1. Очень важной проблемой является лексическая система. Лексическая система русского языка, по сравнению с китайской, является более сложной. С одной стороны, при определении значения слов китайские студенты привыкли запомнить русские слова с помощью родного языка, опираться на представление слов в китайском языке. Но они в русском и китайском языках разные. С другой стороны, в процессе изучения лексики нужно учитывать все аспекты лексических значений русских слов, что для китайских студентов нелегко.

2. Особую трудность вызывают многозначные слова. Русский язык богат эмоциями, особенно многозначные слова обладают большой выразительностью. В многозначных словах различаются основное и производное значение. В процессе изучения языка китайские студенты, прежде всего, должны запомнить прямое значение слова и уметь употреблять его в устной и письменной речи. И только после этого можно обратиться к производному значению слова, что вызывает у китайских студентов значительные трудности.

3. Синонимы в русском языке имеют равные или похожие значения, но часто с разными эмоциональными оттенками, стилистической окраской или разной сочетаемостью. Обучение синонимам и различение их значений тоже являются трудностью в обучении лексике.

Задача освоения лексики состоит не только в том, чтобы студенты осмыслили и запомнили слова, но и в том, чтобы они научились употреблять их в речи. Например, при изучении синонимов надо сопоставить их в словосочетаниях или предложениях, так как почти нет двух слов, одинаковых по смыслу и использованию. В китайской аудитории при обучении лексике студентам младших курсов обычно рекомендуется семантизация новых слов родным языком. В младших классах применяется метод наглядности и метод перевода. Например, слово «яблоко» преподаватель обычно переводит на китайский язык или показывает ученикам соответствующую картинку, и они могут сразу запомнить значение данного слова.

При обучении студентам старших курсов используется одноязычная семантизация новых слов, т. е. толкование значений слов на русском языке. В процессе обучения также применяются другие приемы – такие как использование синонимов или антонимов, объяснение новых слов при помощи перечисления или контекста.

Чтобы учащиеся не забывали вновь изученные слова, преподаватель должен как можно чаще их повторять, используя на занятиях, возвращаясь к ним и проводя их активизацию.

杨 静

新疆大学外国语学院，乌鲁木齐

浅谈中国学生俄语词汇学习中的问题

词汇能力是外语教学的基础。此外，词汇能力是一般交际能力的一个组成部分，因此词汇技能的发展在学习外语中起着至关重要的作用。在中国学生中教授俄语作为外语主要分为两个阶段--初级和高级。在各个阶段的词汇教学过程中，暴露出许多重要的方面和难点，其中我们选取了俄语词汇教学中最典型和主要的错误。

1. 词汇系统是一个很重要的问题。与汉语相比，俄语的词汇系统更为复杂。一方面，在确定词义时，中国学生习惯于用母语记忆俄语词，依靠汉语词的表征。但是俄语和汉语是不同

的。另一方面，在学习词汇的过程中，必须考虑到俄语单词词义的方方面面，这对中国学生来说并不容易。

2. 多义词特别难。俄语情感丰富，尤其是多义词有很强的表达能力。在多义词中，区分基本意义和派生意义。中国学生在学习语言的过程中，首先要认识直义词，记住直义词的意思，并能在口语和书面语中使用。记住派生词的意思，但派生词对中国学生来说更难理解。

3. 同义词是具有相同或相似含义的词，但通常具有不同的情感色调、风格色彩或不同组合。学习同义词并区分它们的含义也是对外俄语教学词汇教学的难点。区分同义词的含义尤为重要。意思相近的词让中国学生难以理解和掌握。

中国学生掌握词汇的困难不仅在于学生理解和记忆单词，还在于学习如何在语言中使用它们。为了达到这样的目的，必须采用有效的方法，使学生充分理解词语的含义和用法。例如，在教授同义词时，需要注意一对同义词有不同的用法和兼容性，因此区分同义词的方法是在短语或句子中进行比较，因为几乎没有两个词是意思和用法都一样。在中国学生中，在给低年级学生教授词汇时，通常建议用他们的母语对生词进行语义化。这一时期使用了形象化的方法和翻译的方法，这是最有效、最容易获得的方式。比如苹果这个词，老师通常把它翻译成中文或者用图片给学生看，他们马上就能记住这个词的意思。

在教高年级学生时，使用新词的单语语义化，即俄语单词含义的解释。在这个阶段，学生已经积累了一定的俄语知识。尤其是因为在母语中，对应词可以表达的概念略有不同，在大多数情况下，俄语词的意思量与母语对应词的意思量不一致，翻译没有充分说明外语的含义。在学习过程中，仍然采用其他技术，例如使用同义词或反义词，使用枚举或上下文来解释生词。

为了避免忘记单词，教师需要重复单词，在课堂上使用它们，并激活它们。

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦЕЛЕВОГО ЯЗЫКА НА УРОКЕ КАК СПОСОБ РАЦИОНАЛЬНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ

Целевым языком (англ. *target language*) называется изучаемый, осваиваемый (при этом неродной) язык.

Для большинства учащихся время, которое они проводят на уроке иностранного языка, – единственная ситуация его практики. Поэтому нужно сделать использование этого времени максимально эффективным, создавая языковую среду. Для китайского языка эта задача особенно актуальна.

Преимуществами использования целевого языка на занятиях являются: возможность для частого повторения материала, улучшения навыков понимания на слух и говорения; формирование мотивации к общению через личные потребности и желания учащихся; возможность использовать изучаемый язык в реальных ситуациях.

Цель преподавателя – с максимальной пользой использовать время урока, для чего создавать условия для создания языковой среды, чтобы учащиеся могли максимально погрузиться в язык.

Ученики в конце курса должны получить «навыки выживания» в любой ситуации, где необходимо применить знания изучаемого иностранного языка. В том числе это и навыки, легко и естественно нарабатываемые на обычных занятиях, такие как умение вести этикетные диалоги и полноценное общение на уроке, ведь первые выезды в Китай – это не обязательно отдых с родителями или туризм, но и учебные программы – языковые стажировки и летние лагеря, международные конкурсы и олимпиады.

Кроме того, постоянное использование изучаемого языка в ходе урока и учителем, и учениками в итоге увеличивает мотивацию обучающихся, снижает стресс от занятий и способствует формированию ощущения успеха в овладении языковыми навыками.

ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ ВАН МЭНА О СИНЬЦЗЯНЕ И ТРУДНОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Ван Мэн – один из известных современных писателей в Китае, ученый, бывший министр культуры КНР. Его творчество оказало значительное влияние на современную китайскую литературу, многие его произведения переведены на более чем 20 иностранных языках и опубликованы за рубежом. В 2019 г. Председатель Си Цзиньпин подписал указ о присвоении Ван Мэну почетного звания «Народный художник Китая».

Ван Мэн начал свою творческую деятельность в 1953 г. А уже в 1956 г. рассказ «Новичок в орготделе» принес ему всекитайскую известность. За этот рассказ, критикующий бюрократию в высших эшелонах власти, он был исключен из партии и отправлен «на перевоспитание» в Синьцзян, где пробыл до 1979 г.

Ван Мэн никогда не рассматривал 16-тилетнее испытание в Синьцзяне как несчастливое изгнание, наоборот, он обрел духовное очищение и включился в жизнь народа. Он жил вместе с крестьянами, освоил уйгурский язык и глубоко познакомился с национальной культурой. Испытание в Синьцзяне повлияло на мировоззрения и художественные концепции Ван Мэна. Сам писатель говорил: «Синьцзян – это моя вторая родина». Не удивительно, что синьцзянская тема занимает важное место в произведениях Ван Мэна 1980-х годов. Всего он опубликовал около 30 произведений, посвященных жизни многонационального народа Синьцзяна. В этот список входят такие рассказы и романы, как «Неканонические истории, случившиеся с заведомом Маймайти» (1980 买买提处长轶事), «Светло-серые очи» (1984 淡灰色的眼珠), «Наполовину распахнутый глинобитный дом с маленьким садом» (1984 虚掩的土屋小院), «О, Мухаммад Ахмад,» (1983 哦, 穆罕默德·阿麦德), «Молодец Исмаил» (1983 好汉子伊斯麻尔), «Душа винограда» (1983 葡萄的精灵), «Пейзаж на этой стороне» (2013 这边风景) и др. Стоит отметить, что в 2015 г. за роман «Пейзаж на этой стороне» 80-летний Ван Мэн впервые в жизни получил литературную премию Мао Дуня (наиболее почетная литературная премия в Китае).

В этих работах Ван Мэн выразил сердечную благодарность народу Синьцзяна с глубокими эмоциями и пониманием. В то же время он также показал отвагу, мудрость и уверенность людей всех этнических групп в стремлении к счастью и борьбе с судьбой. Отражение народных обычаев и нравов в рассказах и романах значительно повысило познавательную ценность и эстетический уровень его произведений.

Для придания достоверности своим рассказам Ван Мэн часто использует реалии местной жизни, уйгурский фольклор. Это требует дополнительного внимания со стороны китайского читателя и составляет немалую сложность в переводе таких фрагментов на русский язык. В своем докладе мы продемонстрировали такие случаи и предложили свои варианты перевода.

Цао Юйвэй

Синьцзянский ун-т, г. Урумчи

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОЙ КНИГИ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КИТАЯ»

В данной работе анализируются особенности политических текстов, в качестве примера и образца используется «Белая книга» Китая и ее перевод на русский язык.

Перевод политических текстов всегда был передовым направлением в зарубежной пропаганде, он играет активную роль в отражении новых концепций, новых категорий и новых выражений, позволяет как политическим кругам, так и гражданам других стран понять Китай, его взгляд, ценности и особенности политической позиции. Поэтому такой перевод требует от переводчиков особенно высокой ответственности, серьезного и скрупулезного отношения, постоянного совершенствования своих языковых навыков, постоянного повышения теоретической грамотности, глубоких знаний не только языка, но и политики. В ходе анализа перевода, мы пришли к следующим выводам общего характера.

В процессе перевода, во-первых, следует обратить внимание на соблюдение трех принципов теории цели; во-вторых, уточнять свое понимание политических программных документов, законов и правовых норм КНР, для того, чтобы ясно и точно воспроизводить картины политических концепций с китайской спецификой, без искажений доносить до иностранных читателей политику партии, особенности китайской политической культуры и стилистические особенности языка. Формулировки, выбираемые для перевода, должны быть верна окраске и смыслу оригинала, при этом учитывать приемлемость и языковые привычки иностранных читателей, интегрировать культурный подтекст. Только при этих условиях перевод может играть роль инструмента глубокого идеологического и духовного культурного обмена. При переводе фразеологизмов, числовых сокращений, культурноспецифической и безэквивалентной лексики следует обращать особое внимание на то, чтобы итоговый текст оставался верен оригиналу, но при этом был логически ясен и связан, чтобы точно отражал политические ориентиры доклада, содержание текущих процессов и планы будущего развития.

Сунь Япин

Синьцзянский ун-т, г. Урумчи

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ КОМПЛИМЕНТОВ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Комплимент является очень важной темой исследования в социолингвистике и фактором общения, который позволяет людям быстро строить гармоничные отношения. Под влиянием таких факторов, как культурный фон, образы мышления, языковые модели и др. в речевом общении между китайцами и русскими происходят различные ошибки. Многие отечественные и зарубежные ученые, изучающие комплименты с точки зрения социолингвистики и межкультурной коммуникации, достигли хороших результатов исследований, но только не с точки зрения коммуникативной прагматики. В своей работе мы сопоставляем общую лексику и модели предложений русских и китайских комплиментов, а также изучаем ситуации и объекты их

использования, чтобы выяснить причины прагматических ошибок и предложить способы их предотвращения.

夏东旭

新疆大学, 乌鲁木齐

Что 引导的主从复合句及其翻译技巧研究

Что 引导的主从复合句是俄语句法中的关键部分。它们不仅被广泛用于日常人际交往, 而且会应用于各种语体。作为一名俄语学习者, Что 引导的主从复合句及其汉译技巧的研究学习对掌握俄语和提升翻译水平具有不可替代的作用。了解掌握 Что 引导的主从复合句及其翻译技巧同样能帮助我们顺利在日常生活, 学习以及工作中与他人用俄语交流。

从俄罗斯人的思维方式和语言习惯来看, 俄语复合句具有鲜明的特点, 我们需要理解和掌握这些特点。根据它们的特点, 学习如何翻译这种句子, 选择适合它们的翻译技巧。本次报告, 根据 Что 引导的主从复合句的特点, 尝试归纳出它们的汉译技巧。

本论文的第一章主要对主从复合句进行概述, 同时说明 Что 引导的主从复合句在功能语体中的使用情况。第二章则是在此基础上指出 Что 引导的主从复合句的类型及其特点。第三章主要对 Что 引导的从句翻译技巧进行归纳总结, 同时探讨在翻译 Что 引导的从句时应注意的问题。

为关联词时, что 在从句部分有含义做成分, 所以在翻译这类句子时, 应该还原 что 的含义或补充词义句义, 而在句子很复杂的情况下, 可以把句子拆分成几个单句进行翻译。为连接词时, что 在从句部分没有实际意义, 它只是把句子的两部分连接起来, 这些句子在翻译过程中可以翻译成两个部分。同时, 俄语和汉语句子之间的差异也反映在词序的不匹配上, 所以翻译时不应局限于原语的词序。如果只按照原语的词序进行

перевод,译文就会变得复杂、不清晰,不符合目标语言的表达习惯,内容上也不符合逻辑。面对结构和语义复杂的俄语句子,我们可以根据目标语言的语言特点和表达习惯,对原语的内容进行重新整合,使译文更好地反映原文的内容。

虽然,本次笔者在使用了文献阅读法和对比分析法后对Что引导的主从复合句进行了分析并且提出了一些翻译技巧,但是由于笔者个人能力以及中俄语之间的差异,本文内容仍有所欠缺,恳请大家批评指正。

Ся Дунсюй
Синьцзянский университет

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СО СЛОВОМ «ЧТО» И ПРИЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Сложноподчиненные предложения (СПП) со словом «что» входят в число ключевых синтаксических конструкций русской грамматики. Они широко используются в ежедневном общении между людьми и играют важную роль в различных стилях речи. Овладение сложноподчиненными предложениями со словом «что» и приемов их перевода важно для изучающих русский язык с теоретической и практической точек зрения.

Ряд особенностей и характеристик СПП определяется спецификой мышления русских и их языковыми привычками. Знание этих особенностей помогает осуществлять качественный перевод. Цель данной работы состоит в обобщении приемов перевода СПП со словом «что» в соответствии с их особенностями и характеристиками.

Первая часть работы является общим описанием сложноподчиненного предложения в русском языке и употребления СПП с союзом «что» в различных стилях речи. Вторая часть посвящена типам сложноподчиненных предложений с союзом «что» и их особенностям. Третья часть обобщает приемы перевода СПП с союзом «что», в ней отмечаются проблемы, на которые следует обратить внимание при переводе.

Выступая как союзное слово, «что» обладает значением в придаточной части, поэтому в ходе перевода этих предложений необходимо восстановить его значение или ввести дополнительные слова. В ситуации, когда предложение получается излишне сложным, следует разделить его на несколько.

Как союз «что» не имеет значение в придаточной части, оно только соединяет две части предложения, в ходе перевода такие предложения можно свободно преобразовывать в два.

Кроме того, следует помнить, что одно из отличий русских и китайских предложений состоит в несовпадении порядка слов, поэтому перевод с русского не должен ограничиваться сохранением порядком слов в исходном тексте. В противном случае переведенный текст станет сложным, неясным, непонятным, несовместимым с привычками выражения на целевом языке и нелогичным по содержанию. При переводе русских предложений со сложной структурой и семантикой следует преобразовать содержание исходного текста в соответствии с языковыми характеристиками и привычками выражения китайского языка, чтобы перевод лучше отражал содержание исходного текста.

王艺静

新疆大学，乌鲁木齐

基于俄语语料库的动词 «идти» 同根词多义性分析

语言是一个长期演变的变化过程。在这个过程中，词汇经过多方面因素的影响，逐渐产生一词多义的现象，即多义性。词汇的多义性是语言中较为普遍存在的语义关系，它丰富了词意。因此，词汇的多义性迫切要求我们对词汇的基本定义以及拓展出的外延做出研究。运动动词含义丰富，“идти”及其同根动词多义性一直是俄语学习的重点和难点。仅仅从前缀研究是不完整的，应该从语义的角度和前缀来准确分析动词之间多义性的异同。词语的多义性应该来自语义学和构词方面。而语料库的研究方法给现代语言学研究提供了更多可能，俄罗斯国家语料库是全球最大的俄语语料库，运用俄语国家语料库的数据

资源进行分析较传统的语言研究更具优势。利用这种新的研究方法可以帮助同根词的教学方式更新,改变传统的词典研究多义性方式,使这种多义性教学和学习具有一定主观能动性,即在具体语境的前提下研究同根词的多义性。

在此本文选取了俄语词根“идти”及其动词同根词作为本文的研究对象,从俄语国家语料库中分别下载语料,分析多义性及其这些动词含义之间的相同点与不同点。可以得出这组词的含义不仅受词根影响,还受具体语境影响,且有些已经演变成固定搭配。

张晓静

俄罗斯国立人文大学孔子学院,莫斯科

汉语教学中轻声词语的考察及教学策略研究—— 以《国际中文教育中文水平等级标准》所列轻声词为例

轻声作为语流中产生的一种特殊的音变现象,认知及熟练掌握其发音特点是对每一位汉语学习者必不可少的要求。然而,研究者、教育者对其应该加以重视还是要“去轻声化”,存在着截然相反的看法。这与轻声词自身的特点有极大关系。

在普通话里,除去有规律可循的轻声词外,大部分属于不规则轻声词,需要依靠长期形成的口语习惯来确定,这无疑给学习者增加了困难。学者们对一些轻声词的读音看法不一,各工具书所收录的轻声词数量存在差别,汉语教材对轻声词知识的介绍偏少,收录范围各异,甚至同一套教材也出现前后标注不同等现象(见:[朱宏一,2009;郭睿,2019。第1-2页;毕婧,2013。第1页])。这些在很大程度上增加了学习者的难度。针对汉语学习者的轻声词教学,已有中国学者进行了研究。

当前,很多中高级水平的汉语习得者对于轻声的认识仍缺乏了解,大部分常见的轻声词被误读。部分调查对象认为“轻声词发音不标准或没有读成轻声并不影响说话者所要表达的意思,听者还是可以理解大意”[周高丽,2015。第1、53页]。笔者在汉语教学中也注意到了这种现象。提高学习者对轻声的认识,加强轻声词的规范有助于轻声词教学的良好开展。

自2021年7月1日起正式实施的《国际中文教育中文水平等级标准》(以下简称“标准”),作为全面描绘评价学习者中文语言技能和水平的规范标准,从汉字、语音、词汇、语法等方面为汉语教学的开展提出了新的规范化的要求。《标准》共收录词语11092个,对一至九级词汇进行察看,检索出轻声词共574个,在各个语言等级均有分布(表1)。

表1. 轻声词在《标准》各语言等级分布情况

分类	初等			中等			高等
	一级	二级	三级	四级	五级	六级	七—九级
词汇数量 (个)	500	772	973	1000	1071	1140	5636
轻声词 (个)	82	60	35	60	47	39	251
轻声词 占比	16.4%	7.8%	3.6%	6.0%	4.4%	3.4%	4.5%
	27.8%			13.8%			4.5%

该文从“有规律的轻声词”、“口语轻声词”、“同形异音轻声词”等三方面加以归类。在此基础上,该文还对《标准》所收录轻声词的特点从语体色彩、使用频率等方面进行分析。

轻声词在一级所占比重较大,其次为二级。这与汉语教学自身的特点是分不开的。认知轻声词,了解轻声词的发音方法,掌握轻声词的一些特点是当代汉语语音教学在学习者基础

阶段的一项重要任务。倘若错过初级阶段语音教学的黄金时期,那么将来再强调或者纠正语音,恐怕事倍功半。

前人对轻声词的分类多样,都自成体系。笔者认为,《标准》所收录轻声词大体可以分为“有规律的轻声词”、“口语轻声词”两大类。根据黄伯荣、廖旭东、鲁允中、邵敬敏、邢国义等学者关于轻声词规律的研究,该文将第一类词语细分十类。除了有规律的轻声词之外,另一部分多为在口语表达中习惯上读成轻声,但是规律性不强,或者即使可以根据一些词语的特点归纳出几条规律,适用范围较窄,不具有普遍性。这类词语归为“口语轻声词”。其中,《标准》中为“东西、实在、精神、编辑、地道”这5个词语加注了非轻声读音。诸如此类的形同音异的轻声词语还有16个:东西、大人、故事、本事、结实、大爷、大方、自在、摆设、点心、公道、试探、说道、琢磨、人家、生意。但是这些词并未同时标注非轻声读音。另外,如果单从轻声词的角度来看,在不同语言等级中还重复出现了一些词语,例如“口子”和“两口子”。任何一部语言学习标准,都要遵循学习者的学习规律,所收词语要体现实用性,满足学习者的使用需求。从以上所列轻声词可以看出,《标准》所收录词语既含有规律可循,便于记忆的轻声词,又选取了与日常生活有紧密联系的轻声词。这些词语以口语用词为主,兼顾部分书面语用词,并且感情色彩适中,便于学习者掌握和使用。

著名教育家叶圣陶先生早就谈到,“凡为教,目的在于达到不需要教。”在这个过程中,需要采用切实可行的教学策略,需要繁复的有针对性的训练。在教学中,通过观察、纠正学生的发音,与学生进行访谈,以及开展的教学反思等,笔者认为产生问题的一个重要原因是,学习者忽视轻音作用,一些教学者对轻音教学不重视。基于此首先要引导其对轻声词的作用有充分的认识。简单来说,在现代汉语学习、研究中,轻声涉及到语音、词法、句法等诸多范畴。

其次,要采用多种方法以便帮助汉语学习者能够准确地朗读和使用轻声词。例如,从轻声词的特点来看,对于规律性强

的轻声词，应该帮助学习者认识这些规律，在理解的基础上加以掌握。在口语化的轻声词中，也可以对其进行初步的分类，然后分别加以识记。以《标准》中所收录的词语为例，像“头发、眼睛、指甲、耳朵、脑袋、眉毛”都均为身体上的某个部分。诸如“精神/精神”、“老子/老子”、“结实/结实”等形同音异的轻声词适合用对比的方式来进行教学。

再者，建议有条件的院校在初中级汉语班开设相关的正音课程，从而系统地对学习者的发音提供具体的指导。林焘先生指出，“语音教学是教学的起点，也是教学的基础。如果起点过于草率，基础没有打好，必然会影响整个学习过程”⁸。在发音养成阶段，不对学习者的语音问题加以重视，不提供及时有效的纠正，那么，即使看起来降低了学习难度，减轻了教学任务，这种做法仍然是弊大于利，万不可取。

综上所述，良好的口语表达能力，是当前高校大学生所应具备的基本素养之一。对轻声的熟练掌握在一定程度上体现了汉语学习者的口语交际水平。

参考书目

朱宏一。轻声的特征和轻声词的规范原则 // 语言文字应用。2009，第2期。34—41页。

郭睿。对外汉语教学中轻声词语的考察：硕士学位论文。华中师范大学，2019。121页。

毕婧。对外汉语综合教材中的轻声词处理研究——以《新实用汉语课本》和《博雅汉语》为例：硕士学位论文。北京外国语大学，2015。90页。

周高丽。俄罗斯留学生汉语轻声实验研究：硕士学位论文。黑龙江大学，2015。70页。

李亚男、白冰冰、王学松。《国际中文教育中文水平等级标准》音节表的构建原则及意义 // 国际汉语教学研究。2021，第3期。第4-11+22页。

⁸ 转引自：[李亚男、白冰冰、王学松，2021]。

НОКЦ «Институт Конфуция» НГУ

НГУ является российским партнером Синьцзянского университета (КНР, г. Урумчи) по проекту «Институт Конфуция», исполнение проекта возложено на научно-образовательный и культурный центр «Институт Конфуция» Гуманитарного института НГУ.

В сфере науки деятельность центра включает:

- приглашение в НГУ с открытыми лекциями известных российских и китайских специалистов в области китаеведения и китайского языка;
- проведение научно-практических конференций;
- проведение подсекции «Презентация исследований на китайском языке» секции «Востоковедение» Международной научной студенческой конференции НГУ;
- финансовую поддержку китаеведческого выпуска «Востоковедение» научного журнала «Вестник НГУ»;
- публикацию учебных пособий по китайскому языку и монографий по истории и культуре Китая в издательской серии «Библиотека Класа Конфуция».

Центр оказывает помощь

преподавателям и учителям китайского языка:

- предоставляет доступ к учебно-методическим ресурсам, литературе;
- консультирует разработчиков учебных программ и руководителей подготовки обучающихся к конкурсам и олимпиадам;
- организует страноведческие мероприятия и конкурсы;
- проводит учебно-методические семинары и курсы повышения квалификации;
- рекомендует на стипендии для обучения в КНР и на гранты «Плана "Новая синология"» для научно-исследовательской работы.

Страница научно-практической конференции,
Посвященной проблематике Великого Шелкового пути
и преподавания китайского языка на сайте НГУ:
<https://www.nsu.ru/n/chinese-center/research/silk-road-conf.php>.

Наши контакты:

+7 (383) 363 42 94 ci@nsu.ru <https://vk.com/ccnsu>.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Сборник тезисов
Международной научно-практической
конференции (1–2 ноября 2021 г.)
III Международного научного форума «Наследие»

Макет Ю. А. Азаренко
Обложка Е. В. Неклюдовой
Подготовка к печати С. В. Исаковой

Подписано в печать 22.12.2021 г.
Формат 60х84 1/16. Уч.-изд. л. 6,25. Усл. печ. л. 5,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 255.
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2